

Введение

В боливийской истории 30-е годы XX века занимают совершенно особое место. Великий кризис начала 30-х годов, война в Чако, завершившаяся поражением Боливии, конец эпохи господства либерально-позитивистских представлений об устройстве государства и общества, экономической жизни, стадийно новый этап развития боливийского капитализма, установление режима «государственного социализма» (также называемого режимом военных-социалистов) – все эти события и процессы вызывают большой интерес историка к этому периоду, являющегося ключевым для понимания общественно-политических и экономических процессов в Боливии в XX столетии.

30-е годы полны трагических событий, в то же время этот период всемирной истории отличает творческий поиск новых социально-экономических форм организации общества. Мировой кризис, его драматические последствия сделали неизбежным проведение срочных и энергичных преобразований, направленных на слом старых, анахроничных форм социальной организации, реформирование экономики, преодоление ограничений зависимого развития. Именно в эти годы на повестку дня был поставлен вопрос о выборе пути дальнейшего развития стран континента. Большинству политиков выход из глубочайшего социально-экономического и политического кризиса виделся в радикальном разрыве с предыдущим историческим опытом. Антилиберальные, а порой и антикапиталистические настроения оказывали определяющее влияние на принятие политических решений. Советский социализм и европейский фашизм предлагали странам, переживавшим тяжелый общественный кризис, иные модели развития, казалось бы, исключавшие разрушительную для нации классовую борьбу, обещающие гармоничное развитие экономики, деклариовавшие приоритет интересов государства и нации перед частными и индивидуальными правами и свободами. В Боливии различные общественные силы искали свой путь развития, опираясь на опыт европейских и латиноамериканских стран.

Боливийская история является интересным объектом исследования, поскольку многие процессы, общие для всего континента, принимали в этой стране наиболее ярко выраженные формы, хотя

всегда оставляли впечатление необычности, своеобразности и даже уникальности. При этом в отечественной науке история Боливии остается самой малоизученной областью латиноамериканистики. 30-е годы XX века не являются исключением. Между тем, в 30-е годы завершился длительный период стабильного политического развития Боливии, началась эпоха радикальных реформ и революционных потрясений. Эти годы боливийской истории несут на себе характеристики пограничной эпохи, явившейся рубежом и в стадийном развитии латиноамериканского капитализма. По этой причине в центре анализа находятся как годы существования самого режима «государственного социализма», так и предшествующий им период расцвета и упадка «либерального государства» вплоть до Великого кризиса и войны в Чако.

Центральными событиями этого периода были война в Чако и установление режима «государственного социализма» в 1936 – 1939 гг. Именно в эти годы наметились основные тенденции развития боливийского общества, во многом определившие ход боливийской истории во второй половине XX века. «Государственный социализм» был преддверием нового периода боливийской истории, характеризуемого подъемом борьбы антиолигархических сил за демократические преобразования, завершившейся Национальной революцией 1952 – 1953 гг., и попыткой проведения прогрессивных антиимпериалистических реформ военными режимами в конце 60-х - начале 70-х годов. Главным содержанием этой исторической эпохи была борьба за выход Боливии из порочного круга зависимости и отсталости.

В своем исследовании автор работы использовал разнообразные документальные источники по истории Боливии этого периода. В первую очередь следует назвать документы из архивов Боливии, Мексики, а также Российского государственного архива социальной и политической истории (РГАСПИ), к которым исследователи ранее не обращались. Были изучены и введены в научный оборот материалы канцелярии президента Боливии 1936-1939 гг.¹, среди которых следует выделить переписку между ведомствами и президентской администрацией, в частности, министерством внутренних дел, генеральным штабом армии, министерством труда, политическими партиями и профсоюзами, промышленниками и частными лицами. Все эти материалы любезно предоставили автору в Национальном архиве Боливии в Сукре (официальной столице республики). Кроме того, немало документов по данному периоду

¹ Archivo Nacional de Bolivia. Presidencia del Gobierno. Cajas 12 – 17. 1936 – 1938. (далее ANB. PG. C.12 - 17.). Sucre. Bolivia.

содержится в Архиве г. Ла-Паса. Автор использовал материалы фонда «Эпистолярное наследие» и фонда Леона М. Лосы, в которых находятся ценные документы из частных коллекций. Это прежде всего переписка президентов Х.Л.Техаса Сорсано, Х.Буша, писателя и политического деятеля А.Аргедаса, а также большое собрание документов Легиона ветеранов Чако (ЛЕК) - влиятельного политического движения времен «государственного социализма» и многие другие². Исключительное значение в исследовании этого периода имеют документы Архива министерства иностранных дел Боливии, в частности, переписка МИДа с президентской администрацией³ и министерством внутренних дел⁴. Большое внимание было уделено изучению материалов МИДа, отражающих отношения с нацистской Германией⁵. В ссылках и примечаниях автор не всегда имеет возможность указывать номер листа в том или ином томе архивных собраний, ибо большинство документов не пронумеровано. Для лучшей идентификации источников в ссылках называются полные атрибутивные данные каждого документа.

Автору повезло стать одним из первых историков, получивших доступ к личным документам крупного политического деятеля, известного писателя и историка Альсидеса Аргедаса⁶. В Национальной библиотеке Боливии недавно были открыты для исследователей рукопись дневника и письма писателя. Особый интерес представляет собой его многотомный дневник. К интересующим нас годам относятся 6, 7 и 8 тома рукописи. Данные этого источника проливают свет на многие малоизвестные и запутанные страницы истории Боливии.

Важным источником исследования, имевшимся в распоряжении автора, является собрание «Исторического архива им. Хенаро Эстрада» Секретариата по внешним сношениям Мексики⁷, где собраны многочисленные материалы, относящиеся к изучаемому

² Archivo de La Paz. Miscelania. Fondo Leon M.Loza. Caja 2 - 11. Gavetas 25 - 27. La Paz, Bolivia. (далее ALP.LML.).

³ Archivo del Ministerio de Relaciones exteriores y Culto de Bolivia. 1936 - 1939. Presidencia. (далее MIN.RREE. 1936 - 1939. Pres.)

⁴ Archivo del Ministerio de Relaciones exteriores y Culto de Bolivia. 1936 - 1939. Ministerio del Interior. (далее MIN.RREE. 1936 - 1939. M.IN.)

⁵ Archivo del Ministerio de Relaciones exteriores y Culto de Bolivia. 1937 - 1941. Alemania. (далее MIN.RREE. 1937 - 1941. Alem.)

⁶ Archivo y biblioteca nacionales de Bolivia. (далее ABNB). Diario de Alcides Arguedas T.6 - 8.

⁷ Secretaría de Relaciones Exteriores de México. Archivo Histórico Genaro Estrada. (далее SRE)

периоду боливийской истории. Это подробнейшие политические отчеты посла и временного поверенного Мексики в Боливии за 1936 – 1939 гг., переписка боливийских властей и общественных организаций с их мексиканскими партнерами, аналитические доклады мексиканских дипломатов по отдельным вопросам внутренней и внешней политики Боливии, например, по делу экспроприации «Стандард Ойл», об отношении к гражданской войне в Испании, об индеанистском движении и другие. Кроме того, архив содержит богатое досье боливийской прессы, составленное мексиканским посольством для своего МИДа. Его ценность заключается в том, что газетные вырезки подбирались не только из общеизвестных периодических изданий, но и из малотиражных, а иногда и недолговечных газет, в том числе, левой и националистической прессы, сегодня порой утраченных или редко встречаемых даже в боливийских библиотеках. К таким раритетам, например, относятся подборки из националистической «Ла Ноче»⁸, левых «Ла Хорнада»⁹ и «Ла Кроника»¹⁰. Кроме изданий левого политического спектра, там же представлены местные, городского или районного уровня, газеты, не имевшие четкой ориентации, например, «Эль Дебате»¹¹. Ознакомление с этими материалами позволяет составить гораздо более полную картину общественной жизни Боливии в эти годы.

Особо следует остановиться на авторстве отчетов мексиканского посольства в Боливии. В 30-е годы посольство возглавлял Альфонсо де Розенцвейг Диас, человек левых взглядов, считавший себя марксистом. Мексиканский посланник был образованным и проницательным наблюдателем, его послания в министерство отличаются тщательностью и глубоким анализом. А. Розенцвейг Диас был дружен со многими боливийскими интеллектуалами и политиками, пользовался их доверием, и это наполняло его отчеты достоверной и порой конфиденциальной информацией.

Безусловный интерес представляют собой материалы из Архива Коминтерна¹², в частности, собранные в фондах «Латиноамериканского генерального секретариата» и Профинтерна, и, конечно же, фонд Компартии Боливии. Ввиду того, что в Боливии до 1950 г. не существовало официально признанной Москвой компартии, а также

⁸ La Noche. La Paz, 1938 – 1939.

⁹ La Jornada. La Paz, 1937

¹⁰ La Crónica. La Paz, 1937 - 1938.

¹¹ El Debate. La Paz, 1937.

¹² Российский государственный архив социальной и политической истории (далее РГАСПИ).

из-за удаленности страны и отсутствия налаженной связи местных коммунистов даже с латиноамериканскими центрами движения в Буэнос-Айресе или Монтевидео, документы, имеющие отношение к Боливии, отрывочны и немногочисленны. Тем не менее, именно эти материалы пролили свет на многие неизвестные страницы боливийской истории, в частности, касающиеся подготовки переворота 1936 г., а также создания левых рабочих партий¹³.

Особую группу источников составляют пресса и периодические издания. В своей работе автор обращался к газетам, которые пользовались большим влиянием в боливийском обществе: либеральные издания «Эль Диарио»¹⁴, «Ла Расон»¹⁵ (собственность горнопромышленника К.В.Арамайо), а также «Ультима Ора»¹⁶, контролировавшаяся магнатом М.Хохшильдом. Большой объем данных получен из левонационалистической газеты «Ла Калье»¹⁷, ставшей своего рода колыбелью боливийского национал-реформизма. Эта газета некоторое время являлась рупором режима военных-социалистов. Вокруг «Ла Калье» сгруппировались националистические и левые силы, впоследствии образовавшие партию Националистическое революционное движение (МНР), до сих пор играющую ведущую роль в политической жизни Боливии¹⁸. Идеиная борьба и развитие общественной мысли в те годы находили отражение на страницах «Боливийского социологического журнала» и «Кольясуйо», издававшихся индеанистами и левыми националистами. Аналогичную тематику освещали сборники газетных и журнальных статей, принадлежавших перу таких видных политических деятелей как К.Мединасели, К.Монтенегро¹⁹. Идеиную борьбу тех лет освещают публицистические труды Т.Марофа,

¹³ По материалам РГАСПИ автор опубликовал статьи: Щелчков А.А. К истории создания компартии Боливии – Латинская Америка. No.5. М., 1996. С.42 – 55; Schelchkov A. La Internacional Comunista y Tristan Marof: sobre el problema de relaciones entre la intelectualidad latinoamericana y los comunistas. – Anuario. 1998. Archivo y Biblioteca Nacionales de Bolivia. Sucre, 1998. P.3 – 18.

¹⁴ El Diario. La Paz, 1935 - 1939.

¹⁵ La Razón. La Paz, 1938.

¹⁶ Última Hora. La Paz, 1936 - 1939.

¹⁷ La Calle. La Paz, 1936 – 1939.

¹⁸ Специальное источниковедческое исследование по газете «Ла Калье» сделано американским ученым Дж.Кнудсоном - Knudson J. Bolivia: Press and Revolution, 1932-1964. New York, 1986.

¹⁹ Medinaceli C. Estudios críticos. La Paz, 1969; Montenegro C. Frente al derecho de Estado el oro de la Standard Oil. La Paz, 1938.; Montenegro C. El desconocido. La Paz, 1979.

К.Монтенегро, Р.Сатаро, А.Аргедаса и других. При анализе политической жизни Боливии в период правления военных-социалистов автор использовал стенограммы заседаний Учредительного собрания 1938 г.²⁰ Среди опубликованных документов, относящихся к изучаемой эпохе, следует выделить материалы госдепартамента США, собранные в ежегодных публикациях "Papers of Foreign Relations".²¹

Большую значимость для исследования имеют сборники официальных документов: Административный ежегодник²², содержащий декреты, законы и распоряжения правительства, а также постановления парламента, сборники программ политических партий²³, аграрного, трудового и социального законодательства²⁴. К источникам социально-экономической истории Боливии можно отнести статистические издания официальных органов²⁵, обзоры международных межправительственных организаций²⁶, приложения к монографиям по экономической истории. К сожалению, хозяйственная статистика в Боливии порой запутана, крайне фрагментарна и несистематизирована, а иногда просто недостоверна. Историкам приходится собирать по большей части косвенные данные по различным отраслям, социальной сфере, торговле, чтобы создать более или менее достоверную картину хозяйственной жизни боливийского общества.

Мемуары, воспоминания, а также исторические исследования современников и действующих лиц тех лет представляют большой интерес для историка. Это литературные и исторические труды

²⁰ Redactor de la Convención Nacional de 1938. T.1 – 3. La Paz, 1938.

²¹ Papers relating to the Foreign relations of United States. Washington, 1935 - 1942. (далее FRUS).

²² Anuario administrativo de 1937. Vol. 1- 3. La Paz, 1937; Anuario administrativo de 1938. La Paz, 1938. (далее AA)

²³ Cornejo A. Programas políticos de Bolivia. Cochabamba, 1949; Lora G. Documentos políticos de Bolivia. La Paz, 1970.

²⁴ Bonifaz M. Legislación agrario-indigena. Cochabamba, 1953.; Legislación boliviana del trabajo y de la previsión social. La Paz, 1941; Ponce García J., Stanley T., Cisneros A. Breve historia del sindicalismo boliviano. La Paz, 1968.; FUB. Programa de principios, estatuto orgánico y reglamento de la FUB. Cochabamba, 1928.; Saavedra B., Vazquéz E. Manifiesto y programa: donde estamos y a donde debemos ir. La Paz, 1936.

²⁵ Censo demográfico.1950. La Paz, 195-; Libro blanco de la Independencia económica de Bolivia. La Paz, 1952.; Estadística boliviana. Análisis numerio del presupuesto nacional. Años 1911 – 1931. La Paz, 1933.

²⁶ ECLA. Development of Agriculture in Bolivia. 4th session, Mexico.28 May. 1951. New York, 1951; Labour Problems in Bolivia. Report of the Joint Bolivian – United States Labour Commission. Montreal, 1943.

видных политиков - либерала П. Диас Мачикао²⁷, активного деятеля националистического движения А.Сеспедеса²⁸, индеанистов Э.Переса²⁹, К.Саласар Мостахо³⁰, троцкистов Г.Лора³¹, Л.Хусто³², А.Валенсия Вега³³, автобиографические работы Т.Марофа и Х.А.Арсе. В последнее десятилетие были опубликованы мемуары крупных политических деятелей той эпохи: первого министра труда и профсоюзного лидера Вальдо Альвареса³⁴, министра нефти и одного из главных защитников национализации нефтяной отрасли Д.Фойянини³⁵, министра внутренних дел в правительстве Х.Буша Э.Бельмонте³⁶, политика и писателя Г.А.Отеро³⁷. Большое количество мемуаров и документов относится к войне в Чако и последующему историческому периоду. Это сборники документов по истории Чакской войны, воспоминания её участников и политиков, Д.Саламанки и Д.Торо³⁸, Т.М.Элио, Р.Сетаро, А.Таборга³⁹.

Историография вопроса, к сожалению, не богата глубокими исследованиями. До недавнего времени можно было назвать два-три труда, посвященные «государственному социализму» в Боли-

²⁷ Diaz Machicao P. Historia de Bolivia. Salamanca, la guerra del Chaco, Tejada Sorzano, 1931 - 1936. La Paz, 1955.; Diaz Machicao P. Historia de Bolivia. Toro, Busch, Quintanilla, 1936 - 1940. La Paz, 1957.; Diaz Machicao P. Historia de Bolivia. Peñaranda, 1940 - 1943. La Paz, 1958.

²⁸ Céspedes A. El dictador suicida. 40 años de historia de Bolivia. Santiago de Chile, 1956.

²⁹ Perez E. Warisata. La Paz, (s.f.)

³⁰ Autodeterminación. No.5. 1988. La Paz, 1988. P.143 - 160.

³¹ Lora G. Historia del movimiento obrero boliviano. Vol.2 La Paz, 1969. Vol.3, La Paz, 1970.

³² Justo L. Bolivia: la revolución derrotada. Cochabamba, 1967

³³ Valencia Vega A. Historia política de Bolivia. La Paz, vol.6 - 7, La Paz, 1987 - 1988.

³⁴ Alvarez España W. Memorias del primer ministro obrero: historia del movimiento sindical y político boliviano, 1916 - 1952. La Paz, 1986.

³⁵ Fionini Banzer D. Misión cumplida. Santa Cruz, 1991.

³⁶ Belmonte Pabón E. RADEPA: sombras y refulgencias del pasado. La Paz, 1994.

³⁷ Otero G.A. Memorias de Gustavo Adolfo Otero. La Paz, 1977.

³⁸ Toro R. D. Mi actuación en la Guerra del Chaco. La Paz, 1941; Salamanca D. Documentos para una historia de la Guerra del Chaco. Vol.1 - 4. La Paz, 1951 - 1974.

³⁹ Setaro R. Secretos del estado mayor. Buenos Aires, 1936; Elio T.M. La guerra y la paz del Chaco. La Paz, 1970; Taborga A. Boquerón. Diario de compañía. La Paz, 1956; Arze Quiroga E. Documentos para una historia de la guerra del Chaco, seleccionados del Archivo de Daniel Salamanca. Vol.1 - 3. La Paz, 1960.

вии. Лишь в последние годы историки обратились к проблематике 30-х годов. Появилось несколько солидных работ по теме боливийских военных-социалистов. В результате небогатая на специальные монографии боливийская историография сегодня представлена хорошими трудами по теме «государственного социализма».

Классик изучения боливийской истории, американский ученый Г.Клейн посвятил этой тематике несколько своих фундаментальных работ, которые принесли ему заслуженный авторитет лучшего знатока Боливии. Речь идет об аналитических статьях, посвященных деятельности военных-социалистов Д.Торо и Х.Буша⁴⁰. Также следует упомянуть его монографию по истории политических партий в Боливии, большая часть которой посвящена анализу периода «государственного социализма»⁴¹. К этим темам Г.Клейн возвращался и в своих последующих работах обобщающего плана⁴². Г.Клейн справедливо отмечал, что эпоха «государственного социализма» обозначила великий поворотный момент в политическом развитии Боливии в XX веке, знаменовавший конец традиционной партийной системы конца 19 – начала 20 века⁴³. Причиной радикальных перемен в политической жизни был, по его мнению, отход среднего класса от поддержки олигархии после поражения Боливии в Чакской войне⁴⁴. В своих выводах американский историк опирался на многочисленные доступные ему источники, прежде всего, прессу. К сожалению, архивные материалы остались вне поля зрения ученого, скорее всего, по причине закрытости этих документов на момент написания им своих монографий. Г.Клейн провел подробнейшее исследование политической истории эпохи, однако оставил без внимания социально-экономические и идейно-политические изменения в обществе в годы, последовавшие за кризисом 30-х годов. На наш взгляд, он недооценил факт возникновения новых средних слоев и промышленного рабочего класса, их растущую роль в обществе. Между тем, именно противостояние этих новых социальных групп правящим кругам и их союзникам,

⁴⁰ Klein H S. German Busch and the Era of “Military Socialist” in Bolivia // *Hispanic American Historical Review* (далее НАHR).1965. vol.47, No.2.; Klein H S. David Toro and the establishment of “Military Socialist” in Bolivia // НАHR.1972. vol.14, No.1.

⁴¹ Klein H S. *Parties and Political Change in Bolivia, 1880-1952*. Cambridge, 1971

⁴² Klein H.S. *Historia general de Bolivia*. La Paz, 1988.; Klein H S. *Bolivia: The Evolution of a Multi-Ethnic Society*. New York, 1982.

⁴³ Klein H S. *Parties and Political Change*. P.321 – 322.

⁴⁴ *Ibid.*P.169.

традиционным средним слоям, привело к кризису гражданского общества. Даже ограничившись рассмотрением исключительно политической истории Г.Клейн упустил из вида оказавшую непосредственное влияние на все стороны жизни Боливии идейную борьбу, результатом которой был подрыв основ легитимности правящего режима и стабильности гражданского общества.

Подробному исследованию политической истории Боливии данного периода посвящены работы испанского ученого Ф.Гальего Маргалефф.⁴⁵ Он привлек новые источники, в частности, архивы британского «Форин офиса», которые не использовались до сего времени в работах по боливийской истории. К сожалению, боливийские архивы оказались недоступны этому автору.

Основная идея его работы – показать значение реформистского потенциала латиноамериканских военных в период политических катаклизмов. Ф.Гальего характеризует военно-социалистические режимы Д.Торо и Х.Буша как национал-реформистские, начавшие процесс экономической и социально-политической модернизации страны, завершившийся революцией 1952 г.⁴⁶ Ф.Гальего справедливо критикует Г. Клейна за то, что тот объяснял революцию военных-социалистов лишь вакуумом власти, образовавшимся после падения режима Д.Саламанки в 1934 г. По его мнению, причины возникновения режима «государственного социализма» необходимо искать в экономическом кризисе и развале «традиционного блока власти»⁴⁷. Автор справедливо усматривает в опыте военных-социалистов поиск своего национального пути развития государства, огражденного от каких-либо внешних влияний⁴⁸. Обе его книги содержат богатый фактический материал. Монографии дают развернутую картину политической жизни Боливии в 30-е годы.

Оригинальные выводы и интересные малоизвестные факты представлены в диссертации голландского историка М.Бринена. Исследователь использовал большой фактический материал, соб-

⁴⁵ Gallego Margaleff F.J. Ejército, nacionalismo y reformismo en América Latina: la gestión de Germán Busch en Bolivia. Barcelona, 1992.; Gallego Margaleff F.J. Los orígenes del reformismo militar en América Latina: la gestión de David Toro en Bolivia. Barcelona, 1991.; Gallego Margaleff F.J. Un caso del populismo militar latinoamericano: la gestión de David Toro en Bolivia (1936 - 1937)// Ibero-Amerikanisches Archiv, vol.14, No.4, 1988. S.473 – 503.

⁴⁶ Gallego Margaleff F.J. Un caso del populismo militar latinoamericano: la gestión de David Toro en Bolivia (1936 - 1937)// Ibero-Amerikanisches Archiv, vol.14, No.4, 1988. S.473 – 503.

⁴⁷ Gallego Margaleff F.J. Los orígenes del reformismo militar, P.20 –21.

⁴⁸ Gallego Margaleff F.J. Ejército, nacionalismo y reformismo, p.27 – 28.

ранный им в архивах Боливии, впервые введя в научный оборот многие доселе неизвестные документы. М.Бринен видел в общенациональном кризисе в Боливии 30-х годов, в разрушении гражданского общества и крахе политической системы либеральной эпохи, причину появления такого своеобразного явления как «государственный социализм», ставшего преддверием национальной революции 1952 г. Как правильно отметил М.Бринен, отличительной чертой правления военных-социалистов было отсутствие хорошо продуманной программы преобразований, чем объяснялись непоследовательность, экспериментирование, неспособность определить приоритеты в политике реформ. Причины поражения военных-социалистов он усматривал в их неспособности создать сильную политическую партию или движение в поддержку курса реформ⁴⁹.

Боливийская историческая наука, к сожалению, не дала ни одной фундаментальной работы по данной теме. Боливийские ученые чаще всего повторяют широко распространенные в Боливии исторические мифы и устоявшиеся в литературе схемы развития страны, почерпнутые из идеологии «национальной революции 1952 г.». Д.Торо и Х.Буш изображаются романтическими предвестниками Национальной революции 1952 г., а «военный социализм», да и сама национальная революция объясняются последствиями Чакской войны. Работы известных боливийских историков по этой теме П.Диас Мачикао⁵⁰, А.Сеспедеса, Л.Пеньялоса⁵¹ не были историческими исследованиями в полном смысле слова. Авторы являлись действующими лицами тех исторических событий, которые затем сами же и описывали. Известное исключение представляет собой марксистский очерк истории Боливии в XX веке А.Валенсия Вега, бывшего видного политическим деятелем левого движения в 30-е годы⁵². Эти авторы не посвящали свои работы специальному изучению режима «военного социализма», который они рассматривали в контексте политического кризиса послевоенных лет и преддверия национальной революции 1952 г.

Особое место в боливийской историографии занимают работы Р.Савалета Меркадо, крупного историка и социолога, посвятившего немало своих трудов теме «государственного социализма».

⁴⁹ Brien M.W. The Liberal Crisis and Military Socialism in Bolivia. Bolivian History from 1930 to 1939.(n.p.) Leiden, 1996. P.94 – 98.

⁵⁰ Diaz Machicao P. Historia de Bolivia. Toro, Busch, Quintanilla, 1936 – 1940. La Paz, 1957.

⁵¹ Peñaloza L. Historia del Movimiento Nacionalista Revolucionario, 1941-1952. La Paz, 1963.

⁵² Valencia Vega A. Historia política de Bolivia. La Paz, vol. 7, La Paz, 1988.

Войну в Чако и последовавший затем «органический кризис общества» Р.Савалета Меркадо рассматривал в рамках перехода от аристократического государства, в котором господствовала горнорудно-помещичья олигархия, к формированию современной боливийской нации через демократизацию элиты, к созданию гражданского общества нового типа (индустриальной фазы развития капитализма)⁵³. Р.Савалета Меркадо считал, что гражданское общество в Боливии до 30-х годов было ограничено рамками только господствующего класса. Он проводил знак равенства между государством и правящим классом. По его мнению, это было общество добуржуазного типа, в то время как само существование гражданского общества в собственном смысле слова должно соответствовать задачам, которые стоят перед национальным буржуазным государством. Такого же в начале XX века в Боливии еще не было. По мнению Р.Савалета Меркадо так называемое "либеральное общество" включало в себя лишь правящую элиту, олигархию, а следовательно, не было ни гражданского общества, ни государства, которые бы по своим параметрам, характеристикам и функциям не совпадали бы с господствующим классом⁵⁴. Для него деятельность военных-социалистов – это романтическая попытка провести революцию сверху без поддержки широких народных масс и без опоры на политическую партию. Провал реформистского наступления на старый режим неизбежно привел к национальной революции 1952 г. и насильственному отстранению от власти горнорудно-помещичьей олигархии.

Опираясь на упомянутые источники и на результаты работ предшественников, автор в своем исследовании поставил перед собой следующие задачи: рассмотреть итоги социального и политического развития «либеральной эпохи», предшествовавшей кризису 30-х годов; проанализировать, почему боливийское общество не могло справиться с кризисными явлениями, не реформируя основы экономики и политической структуры, не осуществив идейного переворота. Автор стремится найти ответ на вопросы: каковы социально-экономические последствия Великого кризиса в Боливии, изменения социальной структуры, происшедшие в 30-е годы? В чем состоял кризис олигархического государства и либерализма, в том числе и в сфере идеологии?

30-е годы в Боливии, как и в других странах континента, ознаменовались возникновением массовых политических партий, ак-

⁵³ América Latina: historia de medio siglo. Vol.1. México, 1982. P.87 – 89.

⁵⁴ Zavaleta Mercado R. Lo nacional-popular en Bolivia. México, 1986.

тивным участием широких слоев населения в политической жизни. В Боливии именно в период «государственного социализма» сформировались основные политические партии, оказавшие решающее влияние на жизнь боливийского общества в течение последующих пятидесяти лет. В своей работе автор проследит ход политической и идейной борьбы в период после войны в Чако. Исследование призвано дать подробное изложение событий и проанализировать социальные процессы в период существования режима «государственного социализма», такие как формирование новых политических партий и движений, осветить идейную борьбу и разобраться в сложных перипетиях политического развития. Особого внимания заслуживают поиски новых форм государства и гражданского общества: попытки реформирования экономики, аграрного сектора, просвещения, государственной машины и идеологии. Комплексное рассмотрение этих вопросов позволит раскрыть историческое значение «государственного социализма» в боливийской истории.

Прежде чем перейти к изложению материала работы, я хотел бы выразить слова признательности всем тем, кто оказал мне помощь на написании исследования. В первую очередь – моим родным и близким, многие годы поддерживавшие меня во всех моих начинаниях. За нелегкий труд тщательного ознакомления с рукописью работы, за ценные критические замечания и рекомендации хотел бы поблагодарить моих коллег, сотрудников Института всеобщей истории РАН Калмыкова Н.П., Ларина Е.А, Созину С.А., Янчука И.И., Кораблеву Л.Ю., Казакова В.П., Иванова Н.С., Богуш Е.Ю. Особые слова благодарности – моему научному наставнику Э.Э. Литавриной, а также светлой памяти А.Ф. Шульговского. Большую признательность хотел бы высказать Национальному архиву Боливии, и лично его директору Др. Уго Поппе Э., оказавшим огромную помощь автору при работе над документами изучаемой эпохи.

Глава 1.

Боливия в 20-е годы XX века.

Социально-экономическое развитие Боливии в 20-е годы.

Первая треть XX века ознаменовалась бурным экономическим развитием страны. Главным богатством Боливии и основой её народного хозяйства была горнорудная промышленность, а точнее – добыча олова. В течение первых десятилетий XX века, особенно в годы Первой мировой войны, постоянный спрос на олово в Европе и США стимулировал приток местного и иностранного капитала в оловодобывающую промышленность. С 1900 г. по 1918 г. боливийский экспорт вырос в пять раз. Такому подъёму горнодобычи способствовало увеличение потребления олова в Европе и США, и соответственно, рост цен на этот металл с 28 центов доллара за фунт в 1900 – 1904 гг. до 59 центов в 1915 – 1919 гг. Экспорт олова увеличился с 9.700 тонн в 1900 г. до 29.100 тонн в 1920 г., достигнув максимума в 1929 г. – 47.200 тонн, что составило 24% мирового производства олова. Помимо олова росла добыча других минералов: серебра, свинца, меди, вольфрама. Экспорт меди с 1900 г. по 1919 г. увеличился с 3.035 тонн до 7.714 тонн, вольфрама с 178 тонн в 1911 г. до 1.197 тонн в 1919 г., алюминия – с 719 тонн в 1906 г. до 23.381 тонн в 1917 г.⁵⁵

Горнорудная промышленность была самой перспективной и доходной отраслью экономики страны. К 1925 г. в добычу олова было вложено около 70 млн долларов. 70% всего экспорта страны составляла оловосодержащая руда.⁵⁶ Олово давало треть национального дохода страны. Боливийская экономика формировалась как моноэкспортная, ориентированная на горнодобывающую про-

⁵⁵ Peñalosa Cordero L. Nueva historia económica de Bolivia. Bolivia en el siglo XX. Vol.3. La Paz, 1987. P.62 –74.

⁵⁶ Lopez Rivas E. Esquema de historia económica de Bolivia. Oruro, 1955. P.12 - 49; Abadie-Aicardi R.F. Economía y sociedad de Bolivia en el siglo XX. El antiguo régimen. Montevideo, 1966. P.27.

мышленность. Основная часть экспорта олова шла в Англию и США. США потребляли 60% мирового производства олова и представляли собой огромный рынок для боливийского сырья. В 1923 г. экспорт олова из Боливии в США превысил его вывоз в Англию.

Минеральные ресурсы страны контролировали местные и иностранные монополии, самыми крупными из которых были компании боливийцев С.Патиньо, К.Арамайо, а также американские фирмы В.Р.Грейс и Гутгенхейм Бразерс. В 20-е годы к ним прибавилась компания М. Хохшильда, выросшая из посреднического предприятия по скупке руды на мелких шахтах. Только рудники С.Патиньо давали 42% боливийского олова, что составляло 11% мирового производства этого металла.

В начале века в Боливии было зарегистрировано 93 горнорудных общества, 55 из них принадлежали местному капиталу, 16 – чилийскому, 15 – английскому, 4 – аргентинскому, 1 – бельгийскому и 1 – немецкому.⁵⁷ Большинство боливийских мелких и средних горнопромышленников так и не смогли ни развить производственные технологии, ни построить систему сбыта или переработки, которая позволила бы им хозяйствовать независимо от трех гигантов, «баронов олова» Патиньо, Арамайо, Хохшильда. Средний боливийский капиталист был полностью подчинен монополиям, а его хозяйственный прогресс жестко контролировался. В Боливии накануне Второй мировой войны было относительно большое число мелких горнозаводчиков (они владели 1.150 рудниками). Они не могли конкурировать с монополиями и, тем более, стать основой формирования класса местных предпринимателей, заинтересованных в подъеме других отраслей экономики, в силу своей неспособности создать накопления, которые привели бы к диверсификации и индустриальному развитию Боливии.

В начале века как предприниматели, так и правительство делали попытки создать оловоплавильное производство в Боливии, чтобы заменить экспорт руды и концентрата на вывоз чистого продукта. После нескольких неудачных или недолгих проектов создания национальной цветной металлургии вся боливийская руда стала вывозиться для окончательной промышленной переработки в Англию, а во время Первой мировой войны и в США. В оправдание провала попыток создать металлургию приводились аргументы о невозможности строительства оловоплавильных печей на Альтиплано в условиях высокогорья и отсутствия дешевых источников энергии. В 20-е годы Патиньо выкупил большую часть акций оловоплавильного за-

⁵⁷ Peñalosa Cordero L. Op.cit., P.40.

вода «Уильямс Харвей» в Ливерпуле, куда шла обогащенная руда из Боливии. В результате он сосредоточил в своих руках не только половину оловодобычи страны, но и контролировал переработку боливийской руды за рубежом.⁵⁸

В горнорудной промышленности было занято 27.340 человек (1924 г.) или 10% всего экономически активного населения страны⁵⁹. Оловодобывающая промышленность отличалась от остальных отраслей экономики своей передовой технической оснащённостью. Современники отмечали высокий технический уровень и производительность крупнейших рудников: например, Караколес, давал 300-400 тонн руды в день.

Эта отрасль народного хозяйства оставалась анклавом, но вся структура органов государственного управления была подчинена её интересам. Главной задачей банковско-финансовой системы страны было обслуживание экспортных отраслей, обеспечение их финансовой и кредитной поддержкой за рубежом. Национальный банк Боливии контролировался Патиño через принадлежавший ему Торговый банк.⁶⁰ Проведенная в 1928 г. банковская реформа упорядочила финансы, укрепив позиции государства: был образован Центральный банк, регулировавший обращение и поддерживавший обменный курс боливиано, что было жизненно важно для экспортных отраслей. Господствовавшая тогда концепция «золотого паритета»⁶¹, обеспечивая на том этапе финансовую стабильность, ограничивала, как потом показала практика, воздействие государства на экономическую конъюнктуру и была выгодна лишь экспортным отраслям экономики.

В 20-е годы в Боливии усилились позиции иностранного капитала, основными формами проникновения которого были прямые капиталовложения в горнорудную и нефтяную промышленность, а также государственные займы. Кроме того, в середине 20-х годов произошла формальная интернационализация местных горноруд-

⁵⁸ Almaraz S. Op.cit., P.125 –128; На металлургические заводы в Англии поступало 84% боливийской руды, в Нидерландах и Германии обрабатывалось 15%, что не могло разрушить монопольный характер системы переработки олова. - Brienens, M.W. Op.cit., P.9.

⁵⁹ Lofstrom, W. Attitudes of an Industrial Pressure Group in Latin America: The "Asociación de Industriales Mineros de Bolivia," 1925-1935. Cornell, 1968. P. 5-8.

⁶⁰ Céspedes, A. El dictador suicida. P.36 – 38.

⁶¹ На 31 декабря 1929 г. Центральный банк Боливии имел золотых запасов на колоссальную сумму 57 млн боливиано, обеспечивавших 60 млн находившихся в обращении банкнотов. - Iñiguez, E. Apuntes históricos del Banco Central de Bolivia e instituciones conexas. La Paz, 1982.P.92.

ных гигантов Патиньо и Арамайо. Когда в 1923 г. правительство Б.Сааведры увеличило в два раза налогообложение национальных оловодобывающих корпораций, оставив без изменения налоговый режим для иностранного капитала, Патиньо и Арамайо весьма оригинальным способом вывели свои предприятия из-под действия этого закона. В 1924 г. Патиньо зарегистрировал своё предприятие в штате Делавар в США, купив там несколько заброшенных рудников и продав часть акций американским гражданам. Арамайо превратил свою компанию в швейцарскую фирму. Таким образом оловодобывающие монополии и *de jure* перестали представлять национальный капитал.

При высокой доходности оловодобывающей отрасли поступления в бюджет государства от экспорта олова были несоизмеримо малы по сравнению со стоимостью вывозимой руды. Лишь в период с 1925 г. по 1927 г. правительство сделало отступление от либеральных принципов невмешательства в дела хозяйствования и ввело в действие закон, обязывавший экспортеров передавать 25% валюты в Центральный банк причем, естественно, в обмен на боливиано, что было направлено на укрепление курса местной валюты.

Оловодобывающие корпорации практически ничего не оставляли государству (в период с 1900 г. по 1930 г. общая сумма налогов колебалась между 2 и 10 %).⁶² Достаточно сравнить суммы доходов государства от экспорта минералов и поступления от налогов на импорт. Так, сумма налогов на импорт выросла в период с 1920 г. по 1929 г. с 8,8 млн. боливиано до 21,1 млн. боливиано в год, а доходы от экспортных пошлин на вывоз руды в этот же период даже уменьшились с 6.905.467 до 6.809.807 боливиано⁶³. Сравнение говорит о невероятно выгодных, «тепличных» налоговых законах для горнорудной промышленности. Даже невысокие налоги на потребление давали те же доходы, что и поступления от экспортных пошлин.⁶⁴ Приходится согласиться с тезисом о разграблении богатств страны иностранными и местными монополиями. На этом безграничном грабеже строилась мощь и богатство горнорудной олигархии.

⁶² Gómez D'Angelo, W. La minería en el desarrollo económico de Bolivia, 1900-1920. La Paz, 1978.

⁶³ Estadística boliviana. Análisis numerio del presupuesto nacional. Años 1911 – 1931. P.48 – 55.

⁶⁴ В 1929 г. налоги на экспорт всего на 800 тыс боливиано превысили налоги на потребление. – *Idibem*.

Иностранный капитал занимал монопольное положение в нефтедобыче. С приходом к власти в 1920 г. Б.Сааведры начинается период широкого привлечения иностранного капитала в экономику Боливии как в форме государственных займов, так и частных капиталовложений. При правительстве Б.Сааведры американские компании установили полный контроль над нефтяными богатствами Боливии. С 1922 г. Стандарт Ойл перекупила у «Ричмонд Леве-ринг» концессию в 1 млн га сроком на 55 лет, тем самым фактически монополизировав добычу нефти в Боливии. Б.Сааведра считал, что Боливии необходимо привлекать иностранный капитал в новые отрасли, каковой в тот момент была нефтяная. Он говорил: «Пока мы не передадим эти разработки в руки мощной компании, которая будет иметь не только необходимый капитал для успешной работы, особенно в стране без выхода к морю и без транспортной сети, но и индустриальный опыт в этой сфере деятельности, - мы не сможем добиться никаких ощутимых выгод для нации от одного из самых перспективных природных богатств»⁶⁵. Стандарт Ойл обязалась вложить 50 млн. долл. в добычу нефти, построить нефтеперерабатывающий завод, и через 2 года уже поставлять нефтепродукты на внутренний рынок. Однако ни одно из этих важных условий выполнено не было.

Главной тенденцией первой трети XX века было вытеснение американскими компаниями своих английских конкурентов из боливийской экономики. К 1929 г. по сравнению с 1913 г. капиталовложения и торговля США и Англии в Боливии увеличились на 470,65% и 15,97%, составив 133.383.250 и 12.512.000 долларов соответственно.⁶⁶ Усилилась зависимость боливийского государства от внешнего финансирования. Если в 1908 г. Боливия не имела внешнего долга, то к февралю 1927 г. её обязательства перед иностранными кредиторами достигли 40 млн долларов. Почти вся эта сумма, за исключением 600 тыс фунтов стерлингов, полученных в Лондоне в 1925 г., была заимствована в США.⁶⁷ Боливийское государство брало в долг как для железнодорожного строительства, так и для содержания государственного аппарата. Многие займы были кабальными и малоэффективными. Например, по условиям печально известного «займа Никалаус» Боливия в качестве гарантий предоставила в распоряжение кредитора все налоговые и таможенные поступления страны. На обслуживание госу-

⁶⁵ Mariaca E. Mito y realidad del petróleo boliviano. La Paz, 1966. P.54.

⁶⁶ Cueva J.M. Op.cit., P.49.

⁶⁷ Marsh M. A. Op.cit., P. 90.

дарственного долга уходило около трети всей расходной части бюджета⁶⁸.

Несмотря на гипертрофию экспортных отраслей, приводившую к серьезным потерям и деформации структуры народного хозяйства, рост горнодобычи всё же способствовал развитию промышленной и транспортной инфраструктуры, росту городов. В городах Ла-Пас, Кочабамба, Оруро расширялось ремесленное, кустарное производство, появились фабрики легкой и пищевой промышленности. В первые два десятилетия XX века число жителей городов увеличилось в 1,5 – 2 раза, в то время как всё население страны в этот же промежуток времени выросло лишь на треть. В городах, особенно в мелких и средних, преобладало ремесленное производство. Даже в 40-е годы число ремесленников (кустарей) и фабричных рабочих было примерно одинаковым.⁶⁹ В крупных центрах, в Ла-Пасе, Кочабамбе, Оруро, число промышленных рабочих было относительно велико. Быстрому росту промышленности и городского хозяйства способствовал небывалый прогресс коммуникаций и транспорта.

Для успешного функционирования ориентированной на внешний рынок экономики была построена сеть железных дорог, связавших тихоокеанское побережье и центры горнодобычи. Железные дороги оказали революционное воздействие на всю экономику Боливии⁷⁰. Многие города получили мощный импульс к развитию за счет строительства, а затем и обслуживания всей инфраструктуры железнодорожного хозяйства. Такие центры как Ла-Пас и Оруро буквально переживали экономический бум. Резко изменилась социальная структура городов. Железнодорожники, строители, рабочие и техники, занятие в тонких новых отраслях как электроэнергетики, городской транспорт стали играть важную роль в жизни общества. Так, например, население Оруро, города, являвшегося важным железнодорожным узлом и центром горнорудной промышленности, в период с 1920 г. по 1925 г. выросло вдвое за счет появления новых социальных и профессиональных групп. Именно в этом городе впервые в Боливии были проведены полная электрификация, телефон, вымощены улицы для автомобильного транспорта⁷¹. Данные изменения привели к росту мелкотоварного хозяйства, сферы услуг, к увеличению числа ремесленников, мел-

⁶⁸ Estadística boliviana. Análisis numerio del presupuesto nacional. Años 1911 - 1931. P.80.

⁶⁹ Klein H.S. Historia general de Bolivia. La Paz, 1988. P.231.

⁷⁰ См. История Латинской Америки. 90-е годы XIX века - 1918 г. М.,1993. С.31 - 38.

⁷¹ Lorini I.Op.cit., P.67.

ких торговцев. В эти годы средние слои выросли численно, в них наметился качественный сдвиг в пользу новых профессиональных групп. Эта тенденция будет доминирующей все 20-30-е годы.

Железные дороги произвели переворот в структуре внутреннего рынка. Дешевый импорт продовольствия (в 1925 г. он составил 14 тыс тонн) привел к резкой переориентации местного рынка на новые товары и стандарты.⁷² С одной стороны, это явление имело положительные моменты: новые дешевые товары более высокого качества изменили всю структуру потребления городского населения, а также способствовали появлению и росту пищевой промышленности, работавшей на местном и импортном сырье. Относительное продовольственное благополучие создавало предпосылки роста городского населения. С другой стороны, наплыв дешевого продовольствия вытеснял с рынка часть местных сельскохозяйственных товаров, хотя такие продукты как киноа, кока, картофель не могли быть заменены импортом. Негативное влияние наплыва импорта продовольствия на боливийское сельское хозяйство было крайне незначительным. От него пострадали лишь немногие помещики близлежащей к городу округи, продававших городским жителям часть «оброка», который они получали от своих крестьян.

Подавляющее большинство населения Боливии проживало в сельской местности. Главной характеристикой боливийского сельского хозяйства было господство крупной земельной собственности, латифундии. 95,11% сельскохозяйственных площадей принадлежало крупным помещикам-латифундистам, ведшим экстенсивное хозяйство. В помещичьих хозяйствах обрабатывалось лишь 2% учтенной, пригодной для обработки земли.⁷³ По-прежнему сильные позиции сохраняли индейские общины, в которых по переписи 1900 г. проживало 32 % сельского населения.⁷⁴ Большинство сельских тружеников были зависимыми крестьянами, прикрепленными к поместьям.⁷⁵

⁷² В 1925 – 1929 гг. продовольствие составляло в среднем 22,3% от общего объема импорта – ECLA. Development of agriculture in Bolivia. 4th session, Mexico. 28 may. 1951. New York, 1951. P.17 – 19.

⁷³ Калужская Т.Г. Боливия. Тенденции социально-экономического развития. М., 1979. С.33 – 34.

⁷⁴ McBride G. The agrarian indian communities of highland of Bolivia. New York, 1921. P.1

⁷⁵ Подробнее об аграрной структуре Боливии см. Щелчков А.А. Аграрная реформа 1953 г. и социально-экономические изменения в боливийской деревне. – Социально-экономические процессы в Латинской Америке в новое и новейшее время. М., 1988. С.183 – 210.

Формально в Боливии сосуществовали два типа хозяйств: асьенда или поместье и мелкая крестьянская усадьба. Кроме них ещё оставались индейские общины, являвшиеся коллективными собственниками земли. Основная масса крестьян проживала в асьендах. Характерной чертой боливийского сельского хозяйства была «система колоната» и связанная с ней система латифундия – минифундия. Земля в асьендах делилась на помещичью и крестьянскую. Помещичья запашка, как правило, включала самые плодородные земли. Помещику принадлежали водные ресурсы и пастбища. Колоны на Альтиплано, понго и колоны⁷⁶ в Кочабамбе, арендерио в долинах Чукисаки и Тарихи жили на помещичьих землях, где им выделялся участок (сайянья на Альтиплано, пегухаль в долинах Кочабамбы, мельга в Тарихе). За пользование этими участками они отработывали определенное количество дней в неделю на земле помещика, иногда отдавали ему часть своего урожая, платили сборы за право держать животных, за выпас скота на господских пастбищах, с приплода домашнего скота, отдавали ему долю ремесленной продукции. Помимо этих обязанностей крестьяне выполняли ряд повинностей, «личные услуги» (понгеахе для мужчин и митанахе для женщин). Это касалось работ по дому, доставки продуктов на рынок и помещику в город. Эти повинности демонстрировали личную зависимость крестьянина от землевладельца, который в ответ на признание таковой и выполнение «услуг» был обязан регулярно устраивать праздники и коллективные пиршества в соответствии с общинными традициями⁷⁷.

На Альтиплано господствовали латифундии, площадь которых превышала 1000 га. Так, в департаменте Оруро, 29% асьенд имели 1 тыс – 2,5 тыс га, 23% - 2,5 – 7,5 тыс га, 35% - более 6,5 тыс га и только 14% асьенд были менее 1 тыс га. В районе оз.Титикака преобладали хозяйства менее 500 га, но и там встречались латифундии размером более 1 тыс га.⁷⁸ Большая часть земли в латифундиях оставалась необработанной. В среднем на Альтиплано обрабатывалось лишь 0,21% сельскохозяйственной площади, а в районе оз.Титикака с относительно высокой плотностью населения – 25 – 30%.⁷⁹ Более того, в виду особенностей почвы примерно 65% об-

⁷⁶ Понго, колон, пегухалерио – категории зависимых крестьян, проживавших на помещичьих землях.

⁷⁷ Heydt-Coca M. Die Bolivianische Revolution von 1952. Eine Analyse unter besonderer Berücksichtigung des Agrarsektors. Köln, 1982. S.97 – 100.

⁷⁸ ECLA. Development of Agriculture, P.59.

⁷⁹ Carter W. The Aymara Communities and the Bolivian Agrarian Reform. Gainesville, 1964. P.26

рабатываемой земли должна была отдыхать несколько лет, что и вовсе сокращало производственные площади.

Многие латифундии, принадлежавшие одному лицу, состояли из нескольких асьенд или усадеб. Латифундии не являлись крупными хозяйствами, в собственном смысле слова, так как основывались на эксплуатации крестьянской общины, оставаясь по сути мелкотоварным производством. По данным ряда исследователей, в период, предшествовавший аграрной реформе 1953 г., участки колонов занимали 73 – 86% земли асьенды, в то время как за самим землевладельцем оставалось лишь 14 – 27%.⁸⁰ Система колоната заключалась в том, что крестьяне, или колоны, имея небольшой участок, минифундию, служили землевладельцу бесплатной рабочей силой, должны были отдавать ему часть своего продукта в качестве натуральной ренты. Крестьянин был лишен хозяйственной и личной свободы, обременен многочисленными повинностями. Паразитический характер крупного землевладения, неизменным атрибутом которого было преобладание минифундий крестьян, обусловил тот факт, что крупное землевладение в Боливии оказалось неспособным к трансформации в капиталистическое предприятие.

Сельское население в Боливии почти полностью составляли индейцы кечуа и аймара. Белые и метисы, испаноязычное население страны, проживали только в городах. Большинство землевладельцев также жили в городах, оставляя свои асьенды в управлении мажордомов и курак, формальных лидеров индейских общин. Помимо обязанностей перед помещиком и коррехидором, представителем местной власти, индейцы как асьенд, так и общин отбывали трудовые неоплачиваемые повинности в пользу населения близлежащих городков.⁸¹

Помещиками в Боливии были не только латифундисты- аристократы, ведущие свое происхождение от конкистадоров и вице-королей Перу и Ла-Платы. В небольших городах, в провинции проживало множество мелких помещиков, владевших одной - двумя усадьбами, дававшими относительно небольшой доход. Являясь такими землевладельцами средней руки, большинство помещиков занимало посты в местных органах власти, были адвокатами, военными, священниками, составляли так называемый традиционный средний класс. Такая двойственность в их социальном

⁸⁰ Carter W. Op.cit., P.71; Albó X. Achacachi: Medio siglo de lucha campesina. La Paz, 1979.P.32; Heath D., Erasmus C.J., Beuchler H.C. Land Reform and Social Revolution in Bolivia. New York, 1969. P.176.

⁸¹ Albo J. Op.cit., P.33 – 34; Heydt-Coca M. Op.cit., S.117.

статусе была отличительной чертой боливийского общества. Между средними слоями и помещиками фактически можно поставить знак равенства. Именно традиционные средние слои были массовой социальной опорой правления олигархии.

В первой трети XX века Боливия оставалась страной, экономика которой представляла собой несколько разнородных по своим социальным и технологическим характеристикам миров. Боливии как единого хозяйственного пространства не существовало. Передовая горнорудная промышленность, развивавшаяся в исключительных рамках анклава, соседствовала с едва наметившимся фабричным производством в городах, где господствующие позиции по-прежнему занимало кустарное, ремесленное хозяйство. Вся финансовая, транспортная и производственная инфраструктура была сориентирована на обслуживание горнорудного сектора экономики. Анклавная экономика экспортных отраслей и слабо развитый капиталистический сектор городов буквально тонули в окружавшем их в прямом и переносном смысле море архаического сельского хозяйства. Господство латифундизма, наличие огромного количества докапиталистических пережитков в деревне обуславливали узость внутреннего рынка, представляли собой серьезный барьер в формировании единого народнохозяйственного комплекса.

Монокультура, экспортная ориентация экономики в сочетании с отсталостью и косной замкнутостью сельского хозяйства тормозили не только развитие всего народного хозяйства, но и были главными препятствиями в становлении Боливии как нации. Это был главный вопрос национальной жизни. Монополизация горнорудной отрасли лишь усугубила проблему зависимости и отсталости всей экономики. Нарождавшаяся и ещё очень слабая боливийская буржуазия была отстранена от важнейших источников накопления, была ограничена неразвитостью внутреннего рынка. Само её существование зависело от выживания Боливии как самостоятельной нации, что было невозможно без решения насущных социально-экономических проблем. От пути, по которому могло пойти общество в преобразованиях обветшавшей социальной и политической структуры страны, зависело формирование в Боливии современной нации. Безусловно, задача состояла в превращении Боливии из географического понятия в страну.

Политическое и социальное развитие Боливии в первые десятилетия XX века.

С 1899 г. по 1920 г. у власти в Боливии находилась либеральная партия. Этот период отличался политической стабильностью, быстрым развитием экономики и серьезными изменениями в структуре общества. Триумф либеральной партии после революции 1898 г.⁸² сопровождался повсеместным торжеством либерально-позитивистской идеологии, либеральных принципов управления государственной и хозяйственной жизнью. На самом деле, «либеральный режим» был далек от официально декларируемых принципов. Либеральная партия фактически установила авторитарный режим, где свобода прессы, регулярно проводимые выборы сочетались с насилием и подлогом во время избирательных кампаний, репрессиями против оппозиции, попранием элементарных прав индейского населения. Досконально и скрупулезно выдерживались либеральные принципы невмешательства государства в экономические отношения, что укрепляло всевластие горно-рудных монополий, фактически подчинивших себе весь государственный аппарат.

Либерально-позитивистская идеология полностью ориентировалась на европейские ценности, проповедовала всеислие свободного рынка как единственного инструмента, гарантирующего прогресс и развитие. Всё, выходящее за рамки, европейской парадигмы капиталистического или, как тогда утверждалось, естественно-го развития, в том числе индейский элемент как носитель тормозящей развитие архаичной традицией, подлежало безжалостному разрушению и уничтожению во имя прогресса и цивилизации. Либералы строили своё демократическое общество на основе кастовой, расовой замкнутости. С их точки зрения, боливийское общество было образцом демократии, ведь критериям свободного гражданина, достойного принимать участие в созидании цивилизации, соответствовали лишь привилегированные белые и верхушка метисного испаноязычного населения. За пределы действия законов цивилизации выводилось большинство населения страны.

Внешне политическая система Боливии выглядела как двухпартийная, хотя наряду с основными, очень похожими друг на друга противниками, существовали и другие мелкие, как правило, недолговечные партии. Помимо Либеральной действовала Консервативная, а затем перенявшая у последней часть лозунгов, но уже иная по своему социальному составу Республиканская партия. Относительно

⁸² История Латинской Америки. Т.2. С.30.

крупных партий также следует сделать оговорку: ни либералы, ни республиканцы не были политическими партиями в современном смысле слова. Настоящие партии, структурирующие гражданское общество современного типа, появятся лишь в 30-40-е годы.

Помимо партий существовала также и полулегальная оппозиция: тайные ложи, составлявшие важную часть боливийского гражданского общества. В них формировалась оппозиция, из тайных органов поддержки правительства ложи превратились в её убежище. В ложах формировалась оппозиция, пока еще не способная сформировать общенациональное политическое движение. Полулегальный статус, связь с влиятельными фигурами в политике и экономике, скрытая деятельность лож придавали большой вес и значение мелким политическим группам. Ложи были своеобразным политическим университетом, где формировались будущие политические и идейные лидеры страны. В них находили себе применение "младшие сыновья" политической элиты, не имевшие прямого доступа к власти: студенты и военные.

С одной стороны, ложи были частью аппарата гегемонии правящей элиты, так как обеспечивали своеобразную, косвенную включенность специфических, непостоянных социальных групп и особых интересов (студенты, младшие офицеры, начинающие политики и т. п.) в политическую систему, что укрепляло фундамент традиционного гражданского общества. С другой стороны, ложи расшатывали систему, поскольку становились базой оппозиции, полулегальный характер действий которой не всегда укладывался в нормы функционирования государства и гражданского общества. Помимо заговоров и непредвиденных действий, ложи были опасным источником распространения новых идей, разрушающих господствующую социал-дарвинистскую, позитивистскую идеологию, что было серьезным фактором ускорения морально-политического кризиса в 30-е годы.

Система политических институтов опиралась на механизм идеологического влияния в обществе: средства массовой информации, университет, школу, культуру и искусство. Газеты, пресса, с одной стороны, являлись проводниками идеологической гегемонии правящих групп, а с другой, служили своеобразным клапаном для разрядки политического и социального напряжения, что способствовало укреплению гражданского общества.

Пресса представляла собой анатомический срез всего гражданского общества.⁸³ Крупнейшие боливийские газеты в 20-е годы "Эль

⁸³ Этому вопросу посвящено специальное исследование американского ученого Дж.Кнутсона// *Historia boliviana*.No.1/2, 1982. Cochabamba. 1982. P.111 - 120.

Диарио", "Ла Расон" (Ла-Пас), "Лос Тьемпос" (Кочабамба) контролировались верхушкой правящих кругов. Собственником "Ла Расон" был Арамайо, "Эль Диарио" - Патиньо, "Ультима Ора" - Хохшильд. Эти газеты были органами пропаганды либерально-позитивистских взглядов по экономическим и политическим вопросам. Республиканцы имели свои политические органы. После прихода к власти Б.Сааведры и раскола партии "Ла Република" стала официальным органом сааведристов, в то время как образовавшие свою партию "подлинные республиканцы" издавали выходившую в Оруро "Ла Патриа".

Это был первый эшелон средств массовой информации, обеспечивавший влияние правящих групп на общественное мнение. Цементом же, укреплявшим их политическую и идейную гегемонию в обществе, были бесчисленные мелкие издания. Эти малотиражные издания были главным индикатором общественного мнения. Они очень чутко реагировали на все кризисные явления в обществе. Правительство всегда внимательно следило за настроениями этих изданий. Когда в момент острого политического кризиса в период правления либеральной партии в 1914 г. было объявлено осадное положение, президент И.Монтес сразу же закрыл 13 мелких газет только в одном Ла-Пасе, справедливо усматривая в них главный источник крамолы.⁸⁴ Значение печати усиливалось еще и тем, что газеты оказывали огромное влияние практически на всех политически активных граждан, на всех избирателей.

Экономический подъем начала века позволил магнатам олова поделиться своими доходами с традиционным средним классом, точнее, его верхушкой. Прямо или косвенно "бароны олова" поддерживали целую армию адвокатов, чиновников, журналистов, партийных деятелей. Эта, хотя и сравнительно многочисленная, но избранная прослойка вошла в боливийскую политическую жизнь под именем "роска". Роска была частью правящего класса, опорой олигархического правления. Впрочем, не следует ее рассматривать как слепое орудие, как наемных работников "баронов олова". Роска непосредственно осуществляла политическую и экономическую власть в стране, она была "самодержавной".⁸⁵ Роска - это верхушка среднего класса, обеспечившая "баронам олова" лояльность и поддержку всего белого городского населения страны. Главной формулой функционирования гражданского общества был раздел власти между "баронами олова" и средним классом. Воплощением и символом этого союза была все-

⁸⁴ Klein H. Political parties. P. 48.

⁸⁵ Sandoval Rodriguez I. Nacionalismo en Bolivia. Ensayo histórico-político. La Paz, 1970. P.75 - 76.

сильная роска.

К 20-м годам либеральный режим находился в состоянии кризиса, вызванного противоречиями между антидемократизмом и кастовой ограниченностью олигархического правления и новой расстановкой общественных сил. Бурное экономическое развитие начала века привело к росту и укреплению мелкой буржуазии, «новых средних» слоев города, к появлению значительного отряда рабочего класса. Возросло число политически активных граждан.⁸⁶

В обществе росли оппозиционные настроения. Недовольные объединились в 1914 г. в рядах Республиканской партии, в которой наряду с представителями мелкой буржуазии, ремесленников, ориентировавшихся на Баутисту Сааведру (1870 – 1939), выдвигавшего программу умеренных реформ, существовало правое крыло, состоявшее из недовольных монопольным правлением либералов реваншистски настроенных помещиков, клерикалов во главе с Даниэлем Саламанкой (1868 – 1935). Объединяющими лозунгами этих двух разных течений Республиканской партии были честные выборы и активная внешняя политика, направленная на возвращение захваченного Чили в результате Тихоокеанской войны (1879 – 1883) побережья.

Право-клерикальное крыло республиканцев, во главе которого стояли видные политики Д.Саламанка, А.Итурральде, Х.М.Эскальер, привлекало в свои ряды в основном земельную аристократию, недовольную всевластием либералов, не допускавших её к рычагам власти. Их раздражали законы о введении гражданского брака, о веротерпимости, вся политика секуляризации, проведенная либералами в первые два десятилетия XX века. Консервативная часть республиканцев была явным анахронизмом даже по сравнению с либералами. Лишь реваншистские лозунги возврата Тихоокеанского побережья и требования честных выборов привлекали к ней немногочисленных сторонников. Воинственная, реваншистская программа морально-политического укрепления государства посредством агрессивной внешней политики стала главным козырем их лидера, Д.Саламанки. Навязчивые идеи самоутверждения нации через победоносную войну роковым образом приведет в будущем Д.Саламанку к развязыванию вооруженного конфликта с Парагваем в Чако.

Бесспорным лидером «плебейского» крыла республиканцев был

⁸⁶ По боливийским законам политически активными гражданами признавались лишь боливийцы-мужчины старше 21 года, при условии, что они умели читать и писать и являлись «экономически независимыми» людьми, то есть имели годовой доход не менее 200 боливиано. Прислуга не могла участвовать в выборах даже при наличии всех прочих условий.

талантливый журналист и писатель Б.Сааведра. Он стал «непогрешимым» вождем народа Ла-Паса. Его поддерживали мелкая буржуазия, ремесленники, самые широкие народные массы столицы. В отличие от Д.Саламанки, аристократа и помещика из Кочабамбы, Б.Сааведра пользовался особой популярностью в своем родном городе, самом «буржуазном» центре страны, Ла-Пасе. Он выдвигал программу умеренных реформ государства, в результате которых должно было произойти перераспределение власти в пользу средних слоев города. Речь шла о расширении социальной базы государства за счет вовлечения в политическую жизнь средних слоев, ремесленников и даже рабочего класса.

Послевоенный мировой экономический кризис способствовал активизации оппозиции. Ухудшение экономического положения в первую очередь ударило по городским низам. Забастовки на рудниках в апреле 1918 г., октябре и ноябре 1919 г. внесли новый элемент в политическую жизнь Боливии, поставив на повестку дня "рабочий вопрос". Требования рабочих, в том числе о 8-ми часовом рабочем дне и принятии социальных законов, вошли в программу сааведристского крыла республиканцев.

В условиях нараставшего экономического и политического кризиса глава реформистского крыла Республиканской партии Б.Сааведра, имевший большое влияние среди среднего и низшего офицерства, решился на государственный переворот. 12 июля 1920 г. республиканцы осуществили переворот в Ла-Пасе. Б.Сааведра во главе с вооруженными ремесленниками, сформировавшими «республиканскую гвардию», сверг президента либерала Г.Гутьерреса Герру. Решительное слово в поддержку нового правительства сказала армия. Генералитет под давлением основной массы офицеров поддержал новое правительство.⁸⁷

Б.Сааведра безусловно, являлся одним из самых ярких политических деятелей Боливии в XX веке. Он пользовался абсолютным доверием «чоло» Ла-Паса⁸⁸. Придя к власти, Б.Сааведра в первую очередь освободился от своих ставших неудобными союзников - правого крыла партии во главе с Д.Саламанкой и Х.М.Эскальером, хотя последних активно поддерживали посольства Англии и США.⁸⁹ Перешедшие в оппозицию к Сааведре правые республиканцы провели в октябре 1921 г. свой учредительный съезд в Оруро, образовав Подлинную республиканскую партию, занявшую промежуточную позицию между либералами и республиканцами-сааведристами.

⁸⁷ FRUS. 1920. Vol.1. Washington, 1935. P.375.

⁸⁸ Чоло – метисы, городские низы в Перу и Боливии.

⁸⁹ FRUS. 1920. v.1. Washington, 1935. P.375 - 378.

Правительство Б.Сааведры опиралось в значительной мере на силу партии, обладавшей огромным влиянием среди городской мелкой и средней буржуазии, интеллигенции, студенчества. Через высший орган партии, Республиканский комитет, проводилось большинство правительственных решений. Б.Сааведра создал "республиканскую гвардию" - военизированные отряды, состоявшие из ремесленников, рабочих, мелких собственников, студентов. Все важнейшие решения проводились через конвенты или съезды республиканцев, на которых при безусловном верховенстве мнения лидера партии представители низовых местных организаций, в основной своей массе состоявшие из ремесленников и мелких буржуа, имели возможность влиять на действия власти. Съезды партии, "гвардия" были органами не только поддержки, но и давления на правительство, подталкивающие своих лидеров к проведению реформистской политики в интересах среднего класса и городских низов. Опираясь на "республиканскую гвардию", Б.Сааведра отстранил своих политических врагов и фактически установил режим личной власти.

Прийти к власти Б.Сааведре помогли городские низы, активно поддержавшие республиканский переворот. Рабочие лидеры-республиканцы в сентябре 1920 г. организовали рабочую партию, которая стала своеобразной секцией правящей партии и функционально выполняла роль группы политического давления на правительство в интересах рабочих и ремесленников, выполняла те же задачи, что и "республиканская гвардия", представлявшая средние слои. Эта партия, названная Социалистической рабочей, во главе которой стояли профсоюзные руководители Э.Сальватьерра и Х.М.Ордоньес, а также депутат Конгресса Рикардо Соруко, имела свои отделения в Оруро и Уйюни. В 1921 г. СРП провела свой съезд в Оруро, где приняла программу, в которой отразились мелкобуржуазный радикализм левого крыла республиканцев и сильное влияние синдикализма.⁹⁰ Однако вскоре эта партия исчезла с политической арены, так как ее программа не выходила за рамки линии правительства Б.Сааведры в рабочем вопросе. В этот период еще не было потребности в существовании проправительственной реформистской рабочей партии, так как влияние рабочего класса на политику было слишком слабым и опосредованным.

В первой четверти XX века в Боливии впервые возникает организованное рабочее движение. В 20-е годы в городах и на рудниках активно действует анархо-синдикалистская Рабочая федерация.⁹¹ В городах и горнорудных центрах создавались рабочие профсоюзы.

⁹⁰ Klein H S. Parties and Political Change. P.70-72.

⁹¹ РГАСПИ. Ф.495, оп. 79, дело 28. С.43 - 44.

Правительства республиканцев по-разному реагировали деятельность профсоюзов и в целом на рабочее движение в городах и на рудниках. Городские профсоюзы, как правило, в своих акциях добились побед или уступок со стороны правительства и хозяев. Так было в феврале 1922 г., когда прошла первая успешная всеобщая забастовка в Ла-Пасе. Большинство городских профсоюзов входило в проправительственные объединения и пользовалось поддержкой властей. Боливийские синдикалисты стали участвовать в международных организациях: в 1928 г. они впервые присутствовали на VI Панамериканской конференции, где высказались в поддержку своего правительства.⁹² Многие требования Рабочей федерации Ла-Паса вошли в программу Республиканской партии. В городах классовая борьба не привела к жесткой конфронтации властей с рабочим движением. "Рабочее законодательство" Б.Сааведры опиралось на требования городских профсоюзов.

Иная ситуация складывалась на рудниках. Там профсоюзы преследовались, а выступления рабочих жестоко подавлялись. В 1923 г. забастовка рабочих рудника Унсии была подавлена войсками. В результате устроенной бойни сотни рабочих были убиты.⁹³ В чем причины такой политики? Оловянные рудники были нервом экономики страны. Олово определяло подлинных властителей страны. К тому же, в то время как рабочий класс городов, большей частью занятый на мелких предприятиях и часто выступавший в союзе с городской мелкой буржуазией, мог быть интегрирован в существующее гражданское общество, большинство рабочих-шахтеров имело более низкий социальный статус. В прошлом крестьяне-индейцы, они чаще всего не порывали связей со своими общинами, говорили на аймара и кечуа и враждебно относились к бело-метисному испаноязычному миру. Для Б.Сааведры, как и для всего правящего класса, они стояли вне гражданского общества, его правил и законов.

Политика подавления и изоляции рабочих-горняков проводилась до кризисных 30-х годов, когда массовые увольнения на рудниках привели в города тысячи безработных. Тогда же изменилась и общая рабочая политика правящих кругов. В 20-е годы часть страны, которая находилась за пределами городов, казалось, не существовала. Во всяком случае, она была призвана лишь для того, чтобы оплачивать своей кровью экономическое процветание элиты.

Правление республиканцев при президенте Б.Сааведра всё более

⁹² РГАСПИ. Ф. 495, оп.79, д. 41.

⁹³ Ponce Garcia J., Shanley T., Cisneros A. Breve historia del sindicalismo boliviano. La Paz, 1968. P.14 - 16.

приобретало черты авторитарной диктатуры. Сам президент вынашивал планы сохранить личный контроль над правительством и по окончании своего конституционного срока, то есть после 1925 г. Был ясен и механизм сохранения власти в руках Б.Сааведры: через республиканскую партию, лидерство в которой сохранялось за ним, и при опоре на военизированную «республиканскую гвардию» он надеялся контролировать своего преемника. Необходимо было найти подходящую кандидатуру на пост президента, который был бы настолько политически слаб и зависим, что стал бы простой марионеткой в руках экс-президента, но при этом была бы сохранена видимость легитимной смены власти и конституционности управления страной. Выбор пал на не имевшего политического веса министра образования Хосе Габино Вильянуэву. Кандидатом в вице-президенты был предложен Абдон Сааведра, родной брат уходящего главы государства⁹⁴.

Выборы состоялись 2 мая 1925 г. Как и ожидалось, победил правительственный кандидат. Его вступление в должность должно было состояться 6 августа 1925 г., что совпадало с празднованием 100-летия юбилея независимости Боливии. Накануне инаугурации Х.Г.Вильянуэва дал интервью оппозиционной газете «Ла Патрия»(Оруро), в котором заявил о своем намерении привлечь в новый кабинет министров деятелей Подлинной республиканской и Либеральной партий, покончив тем самым с противостоянием в обществе, характерным для предыдущего периода. Незадачливое интервью вызвало ярость Б.Сааведры, который не побоялся международного скандала в виду присутствия в Ла-Пасе многочисленных иностранных делегаций, съехавшихся на празднование столетия республики, и решил не допустить вступления в должность Г.Вильянуэвы.

Конгресс, аннулировал результаты голосования, назначив председателя парламента Фелипе Гусмана временным президентом, который провел новые выборы 1 декабря 1925 г. Хотя скандала избежать не удалось, видимость конституционной законности была соблюдена, и Б.Сааведра мог исправить ошибку с выбором преемника.

На этот раз он решил действовать через аппарат своей партии. Нового кандидата в президенты, а им стал находившийся до этого в опале один из лидеров республиканского переворота 1920 г. Эрнандо Силес, предложил Совет Республиканской партии. Кандидатом в

⁹⁴ Абдон Сааведра – яркая политическая фигура 20-х годов в Боливии, незаслуженно забыт из-за слишком сильной тени, отбрасываемой его более известным братом. Он был префектом Ла-Паса, основателем газеты «Ла Република». Прославился своей справедливостью, неподкупностью, прямоотой.

вице-президенты вновь стал Абдон Сааведра. На выборах 1 декабря 1925 г. Э.Силес получил 70.612 голосов из 75.549 имевших право голоса и стал президентом Боливии. Помня скандал с предыдущим кандидатом, Б.Сааведра решил застраховаться, заставив Э.Силеса подписать декларацию, в которой тот обязался назначать членов кабинета с одобрения партии и её лидера, не вступать в союз с оппозиционными группами и деятелями.⁹⁵ По идее Б.Сааведры новый президент должен был стать лишь формальным прикрытием авторитарного правления республиканского «каудильо».

Б.Сааведре было суждено ошибиться дважды. Э.Силес не стал послушным орудием в руках лидера республиканцев. Ему достаточно быстро удалось освободиться от опеки бывшего президента и его брата. Он привлек к сотрудничеству оппозиционных деятелей, нарушив тем самым подписанные им «кондиции». Ф.Тамайо был назначен советником МИДа, Д.Канелас – послом в Перу, С.Патиньо – послом во Франции, а К.В. Арамайо – в Англии. Эти действия спровоцировали разрыв с Б.Сааведрой, находившегося в тот момент в Европе. Окончательная точка в противостоянии с экс-президентом была поставлена в марте 1926 г., когда Абдон Сааведра выехал из Боливии с официальным визитом в ряд стран региона, однако возвратиться ему уже не разрешили.

Приход к власти сааведристского крыла республиканской партии положил начало умеренным реформам государственного устройства, унаследованного от Либеральной партии. Сааведристы привнесли новые элементы в политическую жизнь Боливии. Привычные в боливийской политике авторитаризм и стремление к личной диктатуре сочетались с новыми демократическими институтами (конвенты партии, более демократический состав партийных комитетов и большая открытость партийных структур) и популистскими методами мобилизации масс. Однако за кажущейся похожестью программ либералов и республиканцев-сааведристов стояло кардинальное различие в методах осуществления политической власти и гегемонии в обществе. Аристократизму и кастовой замкнутости либералов, да и "подлинных республиканцев", противостояла новая политическая сила, которая опиралась на выросшие и укрепившиеся в годы экономического подъема "новые" социальные слои города: на мелкую буржуазию, интеллигенцию, банковских служащих, - да и часть рабочего класса.

В отличие от либералов и «подлинных республиканцев» сааведристы были, главным образом, партией среднего класса крупных городских центров. Более демократическая направленность

⁹⁵ Valencia Vega, A. Op.cit., P.1660.

политической линии республиканцев-сааведристов часто приходила в противоречие с принципами экономической политики, почти полностью унаследованными от либералов. Б.Сааведра предлагал укрепить правящий блок, то есть, в конечном счете, власть олигархии, за счет уступок местной буржуазии и средним городским слоям, что объективно отвечало задачам национальной государственной консолидации. Однако решение этой задачи было невозможным без проведения основных буржуазно-демократических преобразований в стране.

Реформы Эрнандо Силеса.

Вслед за Б.Сааведрой, Э.Силес продолжил политику постепенного реформирования социально-экономической структуры страны. В период его президентства продолжалось активное железнодорожное строительство; была завершена дорога, связавшая Потоси и Сукре, Аточу и Вильясон. Для завершения строительства правительство прибегало к внешнему финансированию. Вырос дефицит бюджета, что требовало наведения порядка в государственных финансах и модернизации банковской системы.

Банковское дело в Боливии сосредотачивалось в нескольких частных банках, каждый из которых действовал согласно собственному уставу и регламенту. Деятельность банков не контролировалась государством. Для проведения банковской и налоговой реформы Э.Силес пригласил в Боливию группу экспертов во главе с американцем Э.В.Кеммерером, проводившим аналогичные преобразования в Чили, Мексике, Колумбии и на Филиппинах. По рекомендациям миссии Кеммерера была проведена реформа денежного обращения, в основе которой лежала американская система федерального казначейства. По закону от 11 июля 1928 г. был создан Центральный банк с особыми полномочиями и исключительным правом эмиссии.⁹⁶

Правительство Э.Силеса предприняло шаги, ограничивавшие иностранное присутствие в Боливии. Э.Силес решился пойти на экспроприацию железных дорог (декрет от 29 июня 1927 г.) Однако под давлением могущественных экономических кругов он был вынужден отменить этот декрет уже через полгода. Следуя логике экономического национализма, Э.Силес издал в апреле 1930 г. новый закон о корпорациях, по которому все иностранные компании на территории Боливии должны были зарегистрироваться как местные, боливийские, независимые от своих центров, и должны были подчиняться

⁹⁶ Iñiguez, E. Op.cit., P.57 – 92.

только боливийским законам. Этот декрет не был исполнен.⁹⁷

Главными экономическим и политическим вопросом в Боливии оставались отношения государства и горнорудных монополий, «баронов олова». В середине 20-х годов "бароны олова" увидели необходимость создания механизма контроля над своими "меньшими братьями", мелкими и средними горнопромышленниками. В 1925 г. была создана Ассоциация горнопромышленников Боливии, куда вошло 47 различных фирм и компаний. Тем самым Патиньо, Арамайо, Хохшильд создали эффективный механизм политического и экономического подчинения мелких промышленников.⁹⁸ В эпоху экономического бума средние слои шли за роскошью и «баронами олова», буржуазия была вынуждена мириться со всемогуществом монополий.

Силес, продолжая линию Б.Сааведры, стремился сделать государство более независимым от "баронов олова", хотя и избегал прямого конфликта с ними. Пробой сил стал созданный 1 октября 1928 г. конгресс горнорудной промышленности. На этом съезде "Ассоциация горнопромышленников" предложила свой проект государственной политики, заключавшийся в неуклонном следовании принципам невмешательства властей в экономическую жизнь. Проект закона о контроле государства над деятельностью монополий, предложенный близким к правительству либералом Касто Рохасом, был отвергнут делегатами конгресса. Правительству не удалось добиться принятия хотя бы компромиссных решений, которые позволили бы усилить контроль государства над экспортными отраслями.

Встретив жесткое сопротивление своими весьма умеренным планам со стороны монополий, правительство Э.Силеса отступило. У власти ещё не было ни достаточной политической воли, ни серьезной силы, чтобы вступить в конфликт с «баронами олова». Монополии же не забыли и не простили, такого «наглого» как им казалось, наступления на их привилегии. С.Патиньо, в первую очередь, стал поддерживать врагов Э.Силеса. Из-за сопротивления монополий все прогрессивные начинания, как-то: экспроприация железных дорог, создание министерства сельского хозяйства и колонизации, проект закона о 8-ми часовом рабочем дне - так и не были доведены до конца.

Э.Силес старался демонтировать инструменты авторитарного правления, доставшиеся ему в наследство от Б.Сааведры, проводя в жизнь некоторые меры по демократизации общества. По декрету от 1

⁹⁷ Lofstrom, W. Op.cit., P.120.

⁹⁸ Lofstrim W.L. Op.cit. P.23.

марта 1926 г. военным было запрещено занимать должности префектов и субпрефектов, что, по его идее, должно было упрочить гражданские основы государственной власти и исключить участие армии в политической жизни.⁹⁹ В мае 1927 г. военизированная «республиканская гвардия» была распущена. Эту акцию произвели военные, недовольные существованием неподчинявшихся армейскому командованию вооруженных подразделений. Э.Силес поручил провести расформирование «гвардии» Давиду Торо, который пользовался его особым доверием. Именно тогда началась политическая карьера этого военного. В эти годы Д.Торо сблизился с Э.Силесом, активно поддержал его реформы. Эволюции Д.Торо в направлении национализма первый толчок дал Э.Силес и его окружение.

Э.Силес не мог найти в рядах традиционных партий ни идейной, ни политической поддержки. Накануне выборов в Конгресс в мае 1927 г. Э.Силес решил создать собственную партию. По его убеждению, это должна была быть партия молодежи, партия обновления. В конце 1926 г. Э.Силес пригласил к себе на совещание группу молодых интеллектуалов, исповедовавших модные тогда ортегианские идеи обновления нации.¹⁰⁰ О существовании группы Э.Силес узнал от лидера неконформистской молодежи Энрике Бальдивесо, входившего в круг доверенных лиц президента. В совещании участвовали сам Э.Бальдивесо, Умберто Пальса, Висенте Лейтон, Виктор Альберто Сарачо, Ф.Камперо Альварес и другие. Все это будущие крупные деятели режима «государственного социализма». Тогда же было решено создать новую партию поддержки Э.Силеса.

29 декабря 1926 г. в доме В.А.Сарачо, где собрался цвет интеллектуальной молодежи Ла-Паса, была создана Националистическая партия. В народе её чаще называли силестской, ибо была очевидна прямая связь с президентом и его курсом. В состав партии вошли молодые люди, впоследствии сыгравшие выдающуюся роль в истории Боливии. Это были лучшие представители политической элиты Боливии в XX веке. Есть смысл перечислить большинство собравшихся, ибо их имена будут постоянно возникать в изложении боливийской истории первой половины века. Среди них выделялись юристы Мануэль Карраско (сын Хосе Карраско, основателя Либеральной партии), П.Гильен,

⁹⁹ Diaz Machicao, P. Historia de Bolivia. Guzmán, Siles, Blanco Galindo. P.41 – 42

¹⁰⁰ См. главу 3

В.Мендоса Лопес¹⁰¹, промышленники Рафаэль Таборга, Уго Эрнст¹⁰², Абель Солис, интеллектуалы, писатели К.Мединасели¹⁰³, Г.А.Отеро¹⁰⁴, А.Сеспедес¹⁰⁵, К.Монтенегро¹⁰⁶, У. Пальса¹⁰⁷, университетские преподаватели Х.Пас Камперо¹⁰⁸, К.Салинас Арамайо¹⁰⁹, журналисты М.Флорес¹¹⁰ и Л.Антесана¹¹¹. Это было представительное собрание «младших сыновей» элиты Ла-Паса. Бунтующая молодежь с энтузиазмом восприняла призыв Силеса стать партией реформ.

11 января 1927 г. в газете «Эль Диарио» была опубликована программа партии, в которой выдвигались требования принятия

¹⁰¹ Пабло Гильен, Висенте Мендоса Лопес – в будущем видные государственные деятели, занимали посты министров в правительстве Д.Торо и Х.Буша, руководители национал-реформитской партии Националистическое Революционное движение (МНР).

¹⁰² Уго Эрнст – будущий лидер социалистов и алькальд Ла-Паса в период «государственного социализма»

¹⁰³ Карлос Мединасели – крупный писатель-эссеист, журналист, социолог, один из основоположников левого индеанизма – см. глава 3.

¹⁰⁴ Густаво Адольфо Отеро – известный писатель, крупный деятель МНР – см. глава 3..

¹⁰⁵ Аугусто Сеспедес – идеолог боливийского национал-реформизма, автор крупных литературных работ «Кровь метисов», «Диктатор покончил с собой» и другие. – см. глава 3.

¹⁰⁶ Карлос Монтенегро – основоположник боливийского национал-реформизма, теории «революционного национализма», крупный государственный деятель, в молодости журналист, один из лидеров революции 1952 – 1953 гг. – см. глава 3.

¹⁰⁷ Умберто Пальса – философ, основатель направления «мистики земли». – см. глава 3.

¹⁰⁸ Хавьер Пас Камперо – крупный государственный деятель, впоследствии перешел в партию сааведристов, был адвокатом магната М.Хохшильда, министр труда в правительстве Д.Торо

¹⁰⁹ Карлос Салинас Арамайо – один из ярчайших деятелей Боливии той эпохи. В период президентства Силеса в 27 лет стал заместителем председателя Палаты депутатов Конгресса. Активный сторонник радикальной аграрной реформы, порой склонялся к поддержке фашизма, но считал себя «национальным социалистом», был близок к марксистским группам. Неоднократно занимал ведущие посты в правительстве Х.Буша. Возглавлял Единую соцпартию в 1940 – 1943 гг., которая пошла на союз с олигархическими партиями. Был расстрелян в ноябре 1944 г. по приказу президента Г.Вильярроэля.

¹¹⁰ Марио Флорес – впоследствии главный редактор и собственник лево-националистической газеты «Ла Ноче», занимал министерские посты в правительстве Х.Буша.

¹¹¹ Луис Антесана – видный деятель МНР. Историк, писатель.

трудового кодекса, аграрного законодательства, реорганизации финансово-банковской системы, налоговой реформы, создания эффективного образования, признания университетской автономии. Во главе партии стоял Рафаэль Таборга, горнопромышленник, выступавший от имени разорявшихся мелких и средних предпринимателей. Новая партия предлагала поставить под контроль государства деятельность горнорудных монополий с тем, чтобы обеспечить выживание мелких и средних шахтовладельцев.¹¹²

Националисты или силлисты были первой политической группой, заострившей внимание на необходимости диверсификации экономики. Один из лидеров нового движения К.Салинас Арамайо говорил: «Все наши частные и общественные состояния зависят от горнорудной промышленности. Мы зависим от олова, серебра или меди, малейшее падение цен драматически сказывается на нашей жизни. Однако, рудные запасы, как и всякие сырьевые, когда-нибудь да кончаются, и я спрашиваю: что будет с Боливией, когда закончится олово или резко упадут на него цены?.. Мы должны искать более верные источники богатства»¹¹³. В диверсификации экономики националисты видели выход из порочного круга зависимости страны от горнорудной олигархии и иностранного капитала. Эта программа отвечала интересам национальной буржуазии.

Молодежное радикальное крыло во главе с Э.Бальдивьесо, У.Пальсой и А.Сеспедесом настаивало на более решительной программе действий. Они предлагали выступить со своего рода антилиберальным социалистическим манифестом «национального возрождения». Однако умеренное большинство во главе с Р.Таборгой, опираясь на мнение президента Силеса, отвергло все радикальные предложения и даже отказались от предложенного названия партии. Вместо националистической партия стала называться «Партией Национальный союз». Однако общепотребительным осталось первоначальное название – Националистическая партия.¹¹⁴

Принятая программа партии в своей политической части предлагала провести конституционную реформу. В их планах был отказ от традиционного парламентаризма и основ представительной демократии. Они предлагали разрешить профсоюзам иметь своих представителей в парламенте. В качестве примера и теоретического

¹¹² Frontaura Argandoña, M. La revolución boliviana. La Paz, 1974. P.53.

¹¹³ Arze Aguirre R.D. Carlos Salinas Aramayo: un destino inconcluso, 1901 - 1944. La Paz, 1995. P.83.

¹¹⁴ Céspedes, A. Op.cit., P.84 – 85.

обоснования реформы им служили ставшие модными идеи «функциональной демократии», воплощение в жизнь которых они видели в период преобразований в Чили при диктаторе К.Ибаньесе и в мексиканского революционного конституционализма¹¹⁵. В виду сопротивления умеренного крыла партии в её программу не вошли самые радикальные идеи преобразования государственного устройства. Единственным достижением левого крыла был пункт о представительстве профсоюзов. Националистическая партия искала союза с рабочим движением. Включение профсоюзов в институты политического управления общества было одной из стратегических задач левого крыла партии, которое со временем станет базой формирования боливийского национал-реформизма.

Численный рост рабочего класса в эти годы обуславливался общим экономическим подъемом. Несмотря на то, что в 20-е годы редко забастовки, трудовые конфликты, проявления протеста, профсоюзное движение укреплялось за счет вовлечения новых секторов рабочего класса и приобрело большой политический вес. Это был период мирного роста профсоюзов, что происходило на фоне благоприятной экономической конъюнктуры и терпимой позиции правительства Силеса, которое рассчитывало получить в их лице своих союзников. Правительство не препятствовало расширению и росту профсоюзного движения. Всё чаще лидеры городских профсоюзов стремились найти общий язык с горнорудными центрами. Удавалось регулярно проводить общенациональные рабочие съезды, на которых главные соперничавшие политические тенденции стремились получить преимущество в руководстве общенациональных органов.

Уже в 1925 г. на Втором национальном конгрессе Рабочей федерации труда (ФОТ) образовалась сильная марксистская группа, которая смогла повести за собой большинство представителей профсоюзов. Тогда же ими была создана Профсоюзная рабочая федерация (ФОС). На Третьем национальном конгрессе трудящихся в 1927 г. коммунистам вновь удалось сохранить руководство на съезде. Это дало основания Коминтерну рекомендовать создать единый профцентр Боливии под контролем коммунистов. Исходя из этих успехов, Коминтерн даже планировал в конце 1927 г. образование компартии.¹¹⁶ На конгрессе 1927 г. была создана общенациональная Конфедерация труда Боливии (СТБ). Коммунисты во главе с Моисесом Альваресом и К.Мендосой Мамани заняли все руководящие посты в новой конфедерации, что

¹¹⁵ История Латинской Америки, т.3. М. 1999.

¹¹⁶ РГАСПИ. Ф.495, оп.79, д.28. С.44.

вызвало недовольство базовых профсоюзных объединений и, прежде всего, ФОТ и ФОЛ. Когда в январе 1929 г. вновь собрался Общенациональный рабочий конгресс, ФОТ отказалась принять в нем участие, что привело к глубокому кризису СТБ.

Общенациональные руководящие органы СТБ так и остались верхушечным образованием, мало влиявшим на положение дел в рабочем движении. После 1927 г., то есть после так называемой «коммунистической узурпации» и образования чисто марксистской ФОС, дело профсоюзного объединения было фактически разрушено. Хотя председателем 3-го Рабочего конгресса был избран анархист Р.Чумасеро, коммунисты не смогли найти общего языка с другими политическими направлениями в профсоюзном движении, а именно с анархистами и анархо-синдикалистами. Анархисты по-прежнему контролировали сохранившую свою независимость и силу старую Рабочую федерацию (ФОЛ), а социалисты остались в ФОТ. На деле политический раскол, спровоцированный коммунистами, привел к разобщенности рабочего движения. Сохранились не только разные общенациональные федерации, главное не было координации деятельности профсоюзов даже на уровне этих объединений. В каждом департаменте страны, в отдельных районах, доминировала та или иная местная федерация, лишь формально входившая в ФОТ или ФОЛ. Такая ситуация вполне устраивала правительство Силеса, предпочитавшего контролировать действия рабочих профсоюзов через местные власти. На районном уровне удавалось более эффективно реагировать на конфликтные ситуации и не позволять им дестабилизировать политическую обстановку в других регионах. В результате у правительства складывались если не союзнические, то по крайней мере благожелательные отношения с рабочими организациями. У Силеса пока ещё не было задачи интегрировать профсоюзы в политическую систему, и их нейтрализация в большой мере отвечала потребностям того момента.

На годы президентства Силеса приходится время возникновения серьезного левого и социалистического движения. В июле 1927 г. возникла Рабочая партия, переименованная в конце года в Лабористскую партию, которая провозгласила себя марксистской. В партии образовалось значительное и влиятельное коммунистическое ядро. Коммунистические группы действовали в основном в профсоюзах.

В первые годы президентства важным союзником Силеса стало студенческое движение. Однако их отношения резко испортились после разгона демонстрации оппозиции в Ла-Пасе 4 мая 1927 г. Доминирующие позиции в студенческом движении завоевали марксисты. Под руководством молодых марксистов Х.А.Арсе и

Р.Анайя в 1928 г. на первом съезде студентов страны была образована Университетская федерация Боливии (ФУБ). Центральными требованиями программы ФУБ стали университетская автономия, национализация рудников и нефтедобычи, проведение аграрной реформы.¹¹⁷ Это была радикальная марксистская программа реформ.

В 1929 г. Х.А.Арсе, пользовавшийся непререкаемым авторитетом среди студенчества, выдвинул идею создания Конфедерации рабочих республик Тихоокеанского региона - Перу, Чили, Боливии (КРОП) как регионального объединения рабочих партий и прообраз будущего рабочего государства. Эта идея нашла поддержку среди молодежи и интеллигенции, находившихся под влиянием "ибероамериканизма" В.Р. Айя де ла Торре.

Для боливийцев идея пролетарской конфедерации отражала их стремления преодолеть "географическую и историческую обреченность" страны. Х.А.Арсе рассматривал КРОП как воспроизведение ленинского лозунга Соединенных Штатов Европы применительно к индейским андским странам. К 1931 г. КРОП в Боливии оформилась в небольшую конспиративную группу. Южноамериканское бюро Коминтерна решительно осудило КРОП, объявив ее "националистической" и "антипролетарской" организацией. Бюро призвало коммунистов бороться с этой "мелкобуржуазной партией". В письме Бюро от 21 мая 1932 г. указывалось: "КРОП - это боливийская АПРА". В ответ из Ла-Паса писали, что КРОП нашла поддержку в коммунистических организациях Оруро, Потоси, Кочабамбы.¹¹⁸ По требованию бюро Х.А.Арсе был исключен из компартии, но тем не менее он продолжал демонстрировать лояльность по отношению к СССР и лично Сталину. Не встретив массовой поддержки ни в Боливии, ни в сопредельных странах, а также перед лицом захватывающей боливийское общество шовинистической истерии, Х.А.Арсе в 1932 г. принял решение распустить эфемерную КРОП. Х.А.Арсе поплатился за идею КРОП остракизмом со стороны Коминтерна и обвинениями в отсутствии патриотизма со стороны боливийских националистов. В конце 20-х годов небольшая группа марксистов во главе К.Мендоса Мамани создала так называемую Подпольную коммунистическую партию, которая поддерживала тесные контакты с Коминтерном. В виду своей малочисленности и «идейной слабости» Коминтерн так и не санкционировал создание национальной компартии как

¹¹⁷ Arze J.A. Sociología marxista. Oruro, 1963. P.IV - V.

¹¹⁸ РГАСПИ. Ф.495, оп.122, д.4, л.5 -7.

полноправной секции Интернационала¹¹⁹.

В этот период появились первые левые группы и партии социалистической ориентации. Важную роль в левом движении Боливии в эти годы играл Тристан Мароф¹²⁰. Он становится неоспоримым лидером боливийских марксистов. В те годы он пропагандировал свою главную идею о том, что коммунизм являлся единственно возможным решением национальных проблем Латинской Америки. От Т.Марофа левые ждали создания коммунистической или радикальной социалистической партии. В 1927 г. Т.Мароф вместе с профсоюзным лидером, анархистом Р. Чумасеро создал в г.Сукре пропагандистскую марксистскую группу. Затем в Потоси он объявил о создании Максималистской социалистической партии, в которую вошли видные деятели революционного движения Боливии Роберто Инохоса, Дик Ампуэро, Энрике Г.Лоса, Э.Сальватьерра.¹²¹ Однако уже в феврале 1927 г. Т.Мароф и Р.Инохоса были арестованы и высланы из страны, а партия прекратила свое существование.

В аграрном вопросе и Силес, и Б.Сааведра придерживались старых либеральных принципов невмешательства в дела собственности. По их взглядам, индейская община была главным тормозом развития сельского хозяйства. Они являлись убежденными сторонниками расистского проекта аграрного развития страны, исключающего выживание индейцев кечуа и аймара как самобытных крестьянских народов. Б.Сааведра ещё до прихода к власти, будучи адвокатом на знаменитом «процессе Моосы», когда судили лидеров крестьянского восстания 1899 г.¹²², заявлял: «Если мы решили покончить с этим атавизмом [индейцами – А.Щ.], то должны это сделать, как можно решительней и быстрее». Ни Б.Сааведра, ни Э.Силес не рассматривали даже как гипотетическую возможность аграрных преобразований.

¹¹⁹ Официально признанная Москвой Компартия была образована в 1950 г. на основе левого крылалевой революционной партии (ПИР), созданной Х.А.Арсес в 1940 г. Подробно о коммунистическом движении в Боливии и взаимоотношениях с Коминтерном см. – Щелчков А.А. К истории создания компартии в Боливии. – Латинская Америка. No.5, 1996. М.1996. С.39-55.

¹²⁰ Подробнее о Т.Марофе см. Глава 3.

¹²¹ Valencia Vega, A. Op.cit., P.1671. Впоследствии Р.Инохоса создал собственную партию социалистической ориентации, Дик Ампуэро стал одним из первых коммунистов Боливии, Э.Лоса и Э.Сальватьерра, будучи членами сааведристской партии, посвятили свою жизнь профсоюзному движению.

¹²² История Латинской Америки, т.2. С.30.

Крестьянские выступления против злоупотреблений помещиков и местных властей подавлялись армией и полицией с удивительной жестокостью и бесчеловечностью. В марте 1921 г. восстание в Хесус-де-Мачака было подавлено армией: 116 человек было убито, а дома крестьян сожжены. Так же поступило и правительство Силеса с крестьянами Чайянта в 1927 г. Оба восстания носили типичные черты восстаний андских крестьян, в мотивациях которых сочетались и конкретный протест против несправедливости местных помещиков, властей и расовая, цивилизационная борьба против мира белого человека, полное отрицание европейца и его ценностей.

Вместе с тем в восстании в Чайянта в 1927 г. проявились некоторые детали, свидетельствовавшие о новом этапе борьбы индейского крестьянства. Левые политики попытались использовать восстание в своих пропагандистских целях, направились к крестьянам, пропагандируя свои идеи. В частности, местные помещики обращали внимание властей на то, что адвокат Рикардо Даса, один из членов коммунистических кружков, распространял среди крестьян измышления, что он якобы нашел в архивах документы, свидетельствовавшие о незаконности владения помещиком бывшими общинными землями в Чайянта. Затем полиция обвинили ряд левых политиков во главе с Т.Марофом в провоцировании восстания подрывными призывами к переделу земли и в коммунистической агитации¹²³. В действительности вряд ли существовала прямая связь между деятельностью левых политиков и восстанием, которое проходило по вполне традиционному сценарию: расправа с помещиком даже закончилась ритуальным канибализмом. Важно другое: впервые крестьяне в аргументировании своих акций использовали аргументы, предоставленные им городскими политиками. Обе стороны были бесконечно далеки от взаимопонимания, но вполне осознали выгодность такого союза. Все последующие крестьянские выступления, вплоть до крестьянской войны 1947 г. и революции 1952 – 1953 гг. проходили в рамках такого своеобразного взаимодействия и союза.

Силес все же сделал первый шаг навстречу индейскому крестьянству. Он понимал необходимость интеграции индейцев в экономику страны, ибо от этого зависело развитие внутреннего рынка, а по сути дела, формирование единого народно-хозяйственного комплекса. Силес считал, что главное препятствие на этом пути – в забитости и необразованности индейских масс,

¹²³ Montes Ruiz, F. *Mascara de piedra. Simbolismo y personalidad ayamara en la historia*. La Paz, 1984. P.338 – 341.

живших в своем замкнутом, изолированном мире. Он разделял широко распространенное тогда мнение, что будет достаточным просвещение индейцев, которое сможет приобщить их к ценностям европейской цивилизации. Испанизация и европеизация деревни, исчезновение индейского самобытного хозяйственно-культурного элемента должны были решить индейскую, а значит и аграрную проблему, то есть, по-прежнему, преследовалась старая цель – ликвидация самих народов кечуа и аймара.

В 1926 г. он объявил о разворачивании компании по просвещению индейцев. Был создан Педагогический институт по подготовке сельских учителей. Этот курс правительства поддержала Церковь, организовав «Крестовый поход за индейца», целью которого объявлялось создание целой системы начального образования в деревне. Не без основания левые молодежные организации, в том числе ФУБ, охарактеризовали эту акцию как попытку поставить просвещение индейского населения на службу клерикализму и латифундизму. 18 апреля 1926 г. студенты под лозунгами «Долой клерикализм! Долой гамонализм!»¹²⁴ разогнали крестный ход в Ла-Пасе. Аграрную проблему было невозможно решить никакими просветительскими акциями. Однако, в обществе ещё не созрело убеждение в неизбежности аграрной реформы, без которой было невозможно решение задач завершения формирования боливийской нации, ибо статус-кво в деревне исключало индейское население из всех социальных процессов в стране.

Разразившийся в 1929 г. мировой экономический кризис серьезно повлиял на политическую ситуацию в Боливии. Реформы буксовали, политическая база поддержки правительства таяла на глазах. Правительство Силеса демонстрировало свою экономическую беспомощность перед лицом кризиса и теряло поддержку населения не только вследствие своей инертности, но и из-за откровенно диктаторского, авторитарного курса. Президент опирался исключительно на силу. Все политические партии и группы, за исключением слабой и малочисленной Националистической, перешли в оппозицию к Силесу.

Большое влияние в кабинете министров приобрел Г.Вискарра. С одобрения Силеса он установил полицейский режим, ввел цензуру. Постоянно объявлялось осадное положение в столице и других городах. Были высланы лидеры оппозиции как правые, так и левые, в том числе либералы Луис Кальво, Томас Монхе, профсоюзный руководитель Р.Сорруко и другие. По стране прокатилась волна арестов, около 250 человек оказалось в тюрьмах по политическим

¹²⁴ Гамоналами в андских странах называют помещиков-латифундистов.

мотивам. Силес попытался привлечь армию на свою сторону, введя в правительство подполковника Давида Торо, пользовавшегося его личной симпатией и доверием. Прямая ставка на вооруженные силы подлила масла в огонь недовольства, вызвав дополнительные протесты, да и армия в целом, главным образом генералитет, не одобряла репрессий против либеральной оппозиции.

Приближались очередные президентские выборы. Срок полномочий Силеса заканчивался в 1930 г. Однако президент считал, что его реформы лишь начались, и их следует продолжать. Не видя в Националистической партии лидера, способного победить на выборах, Силес принял решение сохранить свою власть даже ценой нарушения конституции. Переизбрание на второй срок по закону было невозможным. Для сохранения видимости легальности 28 мая 1930 г. Силес ушел в отставку с поста президента, передав свои полномочия, снова в нарушение конституции, совету министров, а не вице-президенту, что оппозиция расценила как государственный переворот. По идее Силеса, совет министров должен был подготовить выборы в Учредительное собрание, которое, в свою очередь, внесло бы изменения в текст конституции, разрешающие избрание президента на второй срок. Планы Силеса могли быть осуществлены лишь при установлении жесткого контроля над выборами и ничем не прикрытой диктатуры. А на это у него не хватило решимости.

В ответ на противозаконные действия президента оппозиция, забыв прежние обиды и разногласия, объединилась в единый антиправительственный блок, в котором роль ударной силы отводилась студенческим организациям. Патиньо, обеспокоенный реформистскими планами Силеса и желавший в период кризиса видеть во главе правительства проолигархические политические силы, оказал финансовую поддержку противникам президента.

Крайние левые группировки, наблюдая за развитием политических событий, посчитали, что страна находится на грани революционного кризиса. В июне 1930 г. произошла так называемая «революция в Вильясоне». 16 июня 50 вооруженных молодых людей перешли боливийско-аргентинскую границу и захватили боливийский приграничный городок Вильясон, где провозгласили «социалистическую республику» в Боливии. Там же был опубликован «Манифест к народу». Лидером этой группы и автором программного манифеста был Р.Инохоса. Его программа содержала такие пункты, как непризнание внутренних и внешних долгов Боливии, отмена налогов, свобода торговли и отмена таможенных пошлин, национализация рудников и нефти, промышленности, железных дорог, телеграфа, проведение аграрной реформы. Одним

из пунктов было введение обязательной синдикализации населения и организация всей жизни общества на профсоюзной основе.¹²⁵ Это была сбивчивая и путанная программа, состоящая из смеси анархистских и социалистических лозунгов и требований. Уже через 3 дня посланные из Тарихи военные части после небольшой стычки, в которой погибло несколько человек, рассеяли группу Р.Инохосы. Сам лидер «революции» бежал в Аргентину.¹²⁶

Одновременно с «революцией» Р.Инохосы, в Ла-Пасе с 12 июня беспрерывно шли студенческие волнения. 22 июня они переросли в кровавые столкновения. Перед лицом всеобщего недовольства армия отказалась повиноваться главнокомандующему. Лишь Д.Торо с небольшой группой военных до конца оставался верен Силесу, пытаясь переломить ситуацию. 25 июня армия присоединилась к восставшим студентам, Силес был свергнут. Восставшие разгромили дома экс-президента, Д.Торо, Р.Таборга и других сподвижников Силеса. Сам Силес укрылся в бразильском посольстве, а затем покинул страну, выехав в Чили.

Со свержением Силеса потерпели поражение попытки умеренных реформ, направленных на укрепление существовавшей политической системы, на расширение социальной базы правящей элиты. Кризисные процессы в гражданском обществе, недовольство средних слоев и рабочего класса кастовой замкнутостью «либеральной демократии» побуждали искать реформистский выход из социально-политического тупика, не дожидаясь пока противоречия, этот кризис порождающие не достигли ещё той остроты, когда радикальная ломка всей системы была бы неизбежной.

Реформизм Силеса был не более радикален, чем у Б.Сааведры, но именно он впервые использовал национализм как политическое знамя и романтический лозунг. При этом он не был националистом по убеждениям. Он уже не находил в «республиканизме» (читай либерализме) той энергии, которая была необходима для реформ в обществе. Силес уже в большей степени нежели Б.Сааведра терял

¹²⁵ Hinojosa, R. La revolución de Villazón. La Paz, 1944. P.25 – 29.

¹²⁶ Р.Инохоса бежал сначала в Аргентину, а затем в Уругвай. С 1932 г. находился в Мексике, где занимался эхидальной реформой Карденаса в Комарке Лагуна. В Мексике познакомился и сдружился с Л.Троцким. В 1944 г. вернулся в Боливию при президенте Г. Вильярроэле. Возглавил Дирекцию прессы, пропаганды и информации. За деятельность на этом посту оппозиция прозвала его "креольский Геббельс". В июле 1946 г. был убит, а труп его был повешен на площади Мурильо в Ла-Пасе во время восстания, свергнувшего Г.Вильярроэля. - о нем см. Abecia Lopez V. 7 politicos bolivianos. La Paz, 1986. P.97 - 116

поддержку традиционной политической элиты. Силес обратился к новым политическим силам, провозгласившим отход от либерализма, что свидетельствовало о начале нового этапа истории, главной характеристикой которого был нарастающий кризис гражданского общества и государства. Ему не оставалось ничего другого как искать опору своих реформаторских планов у новых политических сил, молодежи, ставших выразителями интересов динамично развивающихся секторов общества, прежде всего, местной буржуазии, новых средних слоев.

Силес осознал, что пришло время обратиться к национализму, как «внутреннему» и «внешнему» оправданию реформ, направленных на трансформацию общества в более гибкий и сильный организм. Его курс, программа Националистической партии были направлены на учет интересов молодой боливийской буржуазии, расширение социальной базы олигархического государства. Силес и националисты первыми осознали, что такое «национальный эгоизм», и принял его как национально ориентированную политику.

Реформизм Силеса оставался умеренным и половинчатым, ибо не затрагивал основ экономической жизни, а был направлен лишь на ремонт, обновление обветшавшей политической системы. Исторически ещё не появились достаточно мощные социальные силы, способные не только поставить перед всем обществом задачи коренных преобразований, но и провести их в жизнь. Ещё сильна была вера в незыблемость либеральных принципов управления экономики, в магическую силу мирового рынка как единственного инструмента хозяйственного прогресса. Нужны были потрясения экономического кризиса и войны в Чако, чтобы окончательно оформились политические силы, осознававшие необходимость и неизбежность реформ во имя консолидации нации, преодоления порочного круга зависимости и отсталости. Между реформаторством Б.Сааведры, Э.Силеса и исторической эпохой, последовавшей за мировым экономическим кризисом и войной в Чако, лежит целая пропасть. Силеса лишь условно можно назвать предтечей боливийского национализма или национал-реформизма. При нем формировалось будущее политическое ядро реформистских сил, но уровень осознания задач и целей преобразований не позволяет даже приблизительно проводить аналогии с последующим периодом. Э.Силес остался в рамках либерального реформаторства, фактически он замыкал целую историческую эпоху, начатую в конце XIX века проведением фундаментальных преобразований, направленных на модернизацию архаичных боливийских государств и экономики.